

ОБОЗРѢНІЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИХЪ КАТЕГОРІЙ.

СОСТАВИЛЪ

М. Туловъ.



КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, 18 Февраля 1861 года.

Ценсоръ *А. Лазовъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Основаніемъ предлагаемаго труда служила книга Штейнталя „*Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhältniss zu einander*“. Грамматическія понятія Штейнталя, или, лучше сказать, идеи о языкѣ В. Гумбольдта, развитыя и систематически изложенныя Штейнталемъ, какъ кажется, мало распространены въ нашемъ учебномъ мірѣ, по-крайней-мѣрѣ до сихъ поръ мало имѣли вліянія на преподаваніе. Въ классахъ русской грамматики все еще господствуютъ размышленія о логическомъ составѣ предложенія. Въ первыхъ двухъ классахъ нашихъ гимназій практическое ознакомленіе съ грамматикою роднаго языка по большей части начинается *логическимъ разборомъ предложенія*; въ третьемъ и четвертомъ классахъ систематическое изученіе этимологіи и синтаксиса основывается *на логическомъ разборѣ предложенія*; въ седмомъ классѣ темой для лекцій высшаго курса грамматики служить *логическій разборъ предложенія*. На сколько эти упражненія въ логику посредствомъ грамматики удовлетворяютъ требованіямъ грамматики, предоставляемъ судить учителямъ, знакомымъ

съ вышеупомянутымъ сочиненіемъ Штейнталя и читавшимъ со вниманіемъ предисловіе къ опыту исторической грамматики Буслаева. Каждый языкъ имѣетъ свою особую логику, и явленія языка объясняются индивидуальною логикою самого языка, а не логикою общечеловѣческаго мышленія. Конечно, упражненія въ примѣненіи извѣстныхъ параграфовъ логики къ грамматическимъ фактамъ могутъ развивать учащихся, какъ развивала нѣкогда и схоластическая логика, но, какъ кажется, нельзя считать подобныхъ упражненій положительнымъ изученіемъ языка.

Безъ сомнѣнія, нельзя и требовать, чтобы всякій успѣхъ въ наукѣ тотчасъ оказывалъ дѣйствіе на направленіе преподаванія; но, быть можетъ, въ нашихъ практическихъ курсахъ грамматики слишкомъ мало обращается вниманія на теоретическую сторону языкознанія. Чтобы видѣть, въ чемъ заключается преподаваніе роднаго языка въ Германіи — странѣ учености и педагогіи, довольно познакомиться съ содержаніемъ практической грамматики Гейзе: (*Dr. Joh. Ch. Aug. Heyse's deutsche Schulgrammatik, oder Kurzgefasstes Lehrbuch der deutschen Sprache. Neu bearbeitet von Dr. K. W. L. Heyse. Achtzehnte Ausgabe. Hannover, 1854*).

Кромѣ цѣли обратить вниманіе преподавателей грамматики на нѣкоторые вопросы философскаго языкознанія, имѣющіе существенную связь съ направленіемъ практической грамматики, авторъ имѣлъ въ виду еще и другую цѣль. Въ историческомъ и сравнительномъ языко-

знанія часто встрѣчаются выраженія: *аглотинація, изо-
мированіе словъ, гунированіе гласныхъ, тема слова,
символизмъ* и много другихъ, сдѣлавшихся техническими.
Чтобы съ пользою читать лингвистовъ, надо понимать
значеніе лингвистическихъ терминовъ. Быть можетъ, и пре-
восходный трудъ г. Буслаева не довольно распростра-
ненъ въ нашемъ учебномъ мірѣ тоже вслѣдствіе недостатка
теоретической подготовки къ лингвистическимъ занятіямъ.

Никто не станетъ отвергать того, что сравненіе
языковъ есть единственно вѣрный путь изученія общихъ
законовъ языка. Но чтобы сравнить языки, надо ихъ
знать, а по крайней мѣрѣ надо имѣть понятіе о
существѣ грамматическихъ категорій. Кто не знаетъ ни
анатоміи руки, ни анатоміи крыльевъ, тотъ еще не по-
стигнетъ всей сущности анатомическаго устройства и
руки и крыльевъ, когда узнаетъ, что въ анатомическомъ
отношеніи есть аналогія между рукою и крыльями. Кто
не знаетъ ни по-славянски, ни по-санскритски, тотъ еще
не сдѣлаетъ особенныхъ успѣховъ ни въ славянской,
ни въ санскритской филологіи, когда узнаетъ, что сла-
вянскіе юсы соотвѣтствуютъ санскритской анусварѣ.
Безъ положительнаго знанія языковъ и безъ общихъ
теоретическихъ понятій о языкѣ, не возможны успѣхи
и сравнительнаго языкознанія. Автору предлагаемаго
труда казалось, что лучшее средство познакомить съ
главнѣйшими лингвистическими терминами это изложить
въ вѣкоторой системѣ важнѣйшія явленія языка и языковъ.

VIII

Предлагаемое обозрѣніе лингвистическихъ категорій не полно и недостаточно. Но если только задача, предложенная себѣ авторомъ, не ложна въ самомъ основаніи своемъ, то и этотъ неполный и недостаточный трудъ, быть можетъ, не вовсе бесполезенъ.

1. Содержаніе извѣстной науки зависитъ отъ сущности ея предмета; поэтому, чтобы опредѣлить содержаніе науки о языкѣ, необходимо прежде разсмотрѣть, что такое языкъ, въ чемъ заключается его сущность.

Вопросъ о сущности языка тѣсно связанъ съ вопросомъ о его происхожденіи, такъ какъ сущность языка обнаруживается въ его образованіи и развитіи.

Языкъ есть плодъ психической дѣятельности, законы этой дѣятельности всегда были одни и тѣ же, слѣдовательно и способъ происхожденія языка не могъ измѣняться. И теперь слово возникаетъ въ душѣ и устахъ человѣка такъ, какъ оно возникло нѣкогда въ душѣ и устахъ первыхъ людей. Поэтому изслѣдовать происхожденіе языка значитъ объяснить психическій и фізіологическій процессъ его образованія, показать его мѣсто въ ряду другихъ психическихъ и фізіологическихъ отправленій и его отношеніе къ нимъ *).

2. Чтобы объяснить психическій процессъ образованія слова, обратимъ вниманіе на развитіе психической дѣятельности вообще.

*) Если смотрѣть на языкъ какъ на изобрѣтеніе самого человѣка, то, дѣйствительно, можно находить различіе между первоначальнымъ происхожденіемъ языка — изобрѣтеніемъ, и позднѣйшимъ — подраженіемъ. Но даръ слова не выдуманъ самимъ человѣкомъ, какъ не выдуманы имъ память, воображеніе и другія способности души.

Первый слѣдъ дѣятельности души видимъ въ *ощущеніи* (Gefühl), или способности воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній посредствомъ нервовъ вообще. Способность эту слѣдуетъ отличать отъ *чувства* (Empfindung), или способности воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній посредствомъ особенныхъ органовъ: зрѣнія, слуха, осязанія, обонянія и вкуса. Различіе между ощущеніемъ и чувствомъ заключается въ томъ, что въ ощущеніи душа, вслѣдствіе извѣстнаго впечатлѣнія, сознаетъ только свое собственное состояніе—пріятное или непріятное, и не даетъ себѣ никакого отчета о предметѣ, произведшемъ впечатлѣніе; въ чувствѣ напротивъ, въ отвѣтъ на внѣшнее впечатлѣніе, въ душѣ возникаетъ сознаніе свойства предмета, произведшаго впечатлѣніе.

Животныя, находяціяся на низшей ступени органическаго образованія и лишенныя органовъ слуха и зрѣнія, тѣмъ не менѣе обнаруживаютъ способность воспринимать впечатлѣнія звука и свѣта: они воспринимаютъ ихъ только ощущеніемъ, съ которымъ, по всей вѣроятности, не соединено никакое представленіе воспринятыхъ впечатлѣній.

При переходѣ отъ ощущенія, въ которомъ душа сознаетъ только свое собственное состояніе, къ чувству, въ которомъ, при посредствѣ органовъ чувствъ, она знакомится съ міромъ внѣшнимъ, открывается важная и неизмѣримо высшая ступень психическаго развитія. Это первый опытъ прозрѣнія души въ дѣйствительность, первый шагъ на пути знанія, которое и въ своихъ высшихъ сферахъ остается тѣмъ же мысленнымъ, субъективнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности.

Душа наполняется образами, звуками, воспріятіями вкуса, осязанія. Но для того, чтобы изъ этого хаоса внѣшнихъ впечатлѣній образовались въ душѣ цѣльныя отраженія отдѣльных предметовъ, нуженъ новый шагъ психическаго развитія. Шагъ этотъ совершается при пособіи самой дѣй-

ствительности. Изъ смѣси внѣшнихъ впечатлѣній выделяются въ душѣ человѣка прежде всего образы живыхъ существъ, двигающихся въ пространствѣ. Дитя замѣчаетъ, какъ приходятъ и уходятъ люди, появляются и исчезаютъ домашнія животныя, и постепенно приучается отличать эти предметы зрѣнія отъ другихъ. Затѣмъ постепенно приучается дитя раздѣлять въ душѣ своей и всю окружающую его дѣйствительность, на столько отдѣльныхъ предметовъ, на сколько она сама раздѣляется. Такимъ образомъ возникаетъ въ душѣ *созерцаніе*—мысленное отраженіе отдѣльнаго предмета. Созерцаніе, какъ первоначальное сліяніе различныхъ признаковъ предмета въ одно общее его отраженіе, слѣдуетъ строго отличать отъ представленія въ собственномъ смыслѣ. Созерцаніе есть образъ предмета, возникающій въ душѣ, при видѣ самаго предмета, есть невольный плодъ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ; представленіе есть образъ предмета, вызванный не наличными впечатлѣніями, а воспоминаніемъ о нихъ, есть свободное произведеніе самосознанія души. На ступени созерцанія, душа сознаетъ отдѣльные предметы, но словомъ еще не владѣетъ; представленіе уже соединено съ словомъ.

3. Въ образованіи языка принимаютъ участіе и духъ, и тѣло. Какъ выраженіе самосознанія, слово принадлежитъ духу; какъ звукъ, есть явленіе фізіологическое. Въ фізіологическомъ отношеніи слово слѣдуетъ причислить къ явленіямъ, извѣстнымъ подъ техническимъ названіемъ рефlekса, или отраженія дѣятельности нервовъ чувства на нервахъ движенія. Къ категоріи рефлексивныхъ движеній могутъ быть отнесены слѣдующія, напримѣръ, явленія въ организмѣ человѣка. Впечатлѣніе смѣшнаго, воспріятое нервомъ зрѣнія, отражается на нервѣ движенія и, передаваясь мускуламъ, выражается смѣхомъ. Внезапно вызванныя представленія предметовъ ужасныхъ и отвратительныхъ произ-

водятъ въ тѣлѣ невольное содроганіе. Особенно нервы зрѣнія и слуха способны вызывать рефлексивныя движенія. Такъ яркій свѣтъ или рѣзкій звукъ тотчасъ отражаются движеніемъ мускуловъ лица. При одномъ представленіи извѣстнаго дѣйствія, въ насъ возникаетъ невольно и стремленіе къ его исполненію.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о физиологическомъ значеніи рефлексивныхъ движеній, приведемъ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Лоце: „Медицинская психологія“.

„Нервы чувствъ передаютъ воспринятое ими впечатлѣніе мозгу; здѣсь потокъ нервнаго возбужденія раздѣляется на два рукава: одинъ, стремясь къ центральному органу души, производитъ въ немъ чувство, воспринятаго впечатленія, другой, непосредственно дѣйствуя на нервы движенія, вызываетъ въ нихъ извѣстное, механически-неизбѣжное движеніе. Эти отраженія впечатлѣній чувствъ на нервахъ движенія, эти рефлексивныя движенія мускуловъ, являются въ организмѣ элементами всякаго цѣлесообразнаго движенія, элементами, которые сама природа поставляетъ въ распоряженіе души, предоставляя ей пользоваться ими потомъ, подъ вліяніемъ размышленія, для достиженія преднамѣренныхъ цѣлей. Какъ ненадежна была бы наша жизнь, если бы ея защита была предоставлена не механизму, а собственной находчивости души. Какимъ образомъ дитя могло бы питаніемъ поддержать свое существованіе, если бы прежде ему нужно было изобрѣсть движенія сосанія и глотанія. Недовѣряя изобрѣтательности души, природа предпочла поручить тѣлу исполненіе необходимыхъ движеній, какъ слѣдствіе извѣстныхъ механическихъ условий. Даже тамъ, гдѣ извѣстное физическое отправленіе является въ организмѣ слѣдствіемъ дѣятельности души, природа предоставила душѣ не изобрѣтеніе отправленія, а только власть распоряжаться имъ. Всѣ рефлексивныя движенія:

смѣхъ, слезы, игра фizioномiи, не зависятъ отъ нашей изобрѣтательности. Мы не знаемъ, почему удовольствiе выражается именно смѣхомъ, скорбь—слезами; безъ величайшихъ усилiй, не можемъ подавить въ себѣ наклонности къ произвольнымъ жестамъ. Всѣ эти движенiя должно разсматривать какъ плодъ инстинктивной дѣятельности организма; къ числу такихъ инстинктивныхъ отправленiй принадлежитъ и языкъ“.

4. Какъ смѣхъ, слезы, игра фizioномiи, такъ и языкъ обязаны происхожденiемъ своимъ не изобрѣтательности чело-вѣка, а внушенiю самой природы. Подобно прочимъ рефлексивнымъ движенiямъ, и языкъ является въ организмѣ неизбежно, для того чтобы служить отводомъ первой дѣятельности и вмѣстѣ средствомъ выраженiя внутренняго состоянiя души. И однако между смѣхомъ, слезами, игрою фizioномiи, какъ рефлексивными движенiями, отражающими извѣстное состоянiе души, и языкомъ, какъ рефлексивнымъ выраженiемъ тоже извѣстной психической дѣятельности, нельзя не видѣть огромной разницы. Между смѣхомъ, какъ рефлексивнымъ выраженiемъ ощущаемаго удовольствiя, и словомъ: *удовольствiе*, разница заключается въ томъ, что смѣхъ служитъ непосредственнымъ выраженiемъ чувства удовольствiя; слово: *удовольствiе*, представляетъ только знакъ сознанiя души объ этомъ чувствѣ; въ смѣхѣ звучитъ само чувство удовольствiя, воплощается въ немъ непосредственно; въ словѣ: *удовольствiе*, звучитъ не чувство удовольствiя, а сознанiе души объ этомъ чувствѣ: слово есть рефлексивное движенiе, психическiй источникъ котораго заключается въ разумѣ души, въ высшихъ теоретическихъ силахъ духа. Какой же именно моментъ развитiя теоретическихъ силъ духа выражается въ словѣ?

5. Впечатлѣнiе вызвало дѣятельность души и отразилось въ ней воспрiятiями зрѣнiя, слуха и другихъ чувствъ;

изъ отдѣльныхъ чувственныхъ воспріятій, при участіи дѣйствительности и по ея образцамъ, сложились въ душѣ отраженія предметовъ, образовались созерцанія. Каждое новое созерцаніе одного и того же предмета оставляетъ въ душѣ слѣдъ, оставляетъ по себѣ воспоминаніе. Когда извѣстное созерцаніе представится душѣ, положимъ, въ сотый разъ, то изъ глубины памяти оно вызываетъ прежнія воспріятія, постепенно сливавшіяся въ одинъ образъ. Душа въ этомъ случаѣ видитъ уже не одно внѣшнее, но и нѣчто внутреннее; взоръ ея отъ внѣшняго обращается къ внутреннему, и она сознаетъ это внутреннее произведеніе собственной дѣятельности. Если бы можно было зеркало сдѣлать способнымъ не только отражать предметы, но и сознать въ себѣ эти отраженія, то, въ минуту сознанія, въ зеркалѣ произошло бы то, что происходитъ въ душѣ человѣка, когда ее озаритъ свѣтъ самосознанія. Это отраженіе созерцанія въ сознаніи души, это созерцаніе созерцанія называется *представленіемъ*.

Въ минуту образованія представленія, душа исторгаетъ у органовъ рѣчи членораздѣльный звукъ и воплощаетъ въ немъ представленіе, чтобы такимъ образомъ приготовить себѣ объективную опору для своего дальнѣйшаго теоретическаго развитія. Но опора эта, членораздѣльный звукъ, является къ услугамъ души независимо отъ ея произвола и выбора, является невольно, какъ рефлексивное движеніе, естественное и неизбѣжное, подобно всякому другому рефлексивному движенію. И такъ представленіе составляетъ психическое содержаніе слова; представленіе это почва, на которой возникаетъ слово и которой никогда не оставляетъ. И чувство, и желаніе, чтобы выразиться въ языкѣ, должны сдѣлаться представленіемъ, должны тѣмъ или другимъ своимъ признакомъ подѣйствовать на самосознаніе, которое воспроизводитъ этотъ признакъ въ представленіи и словѣ. Самыя отвлеченныя понятія выражаются

въ языкѣ не иначе какъ представленія, въ основѣ которыхъ лежитъ извѣстное чувственное созерцаніе. Изъ этого ясно, что нельзя искать первыхъ зародышей языка въ между-метіяхъ — выраженіи безсознательнаго чувства: гдѣ нѣтъ самосознанія, нѣтъ представленія, нѣтъ и членораздѣльнаго слова. Нельзя тоже считать главною творящею силою въ языкѣ и отвлеченное мышленіе. Отвлеченное мышленіе само нуждается въ опорѣ представленія и слова, и языкъ не можетъ быть обязанъ бытіемъ своимъ тому, что является уже послѣ него *).

*) Это не значитъ, что человѣкъ прежде говорилъ, а потомъ уже сталъ думать. На дѣлѣ дѣйствіе всѣхъ способностей души мгновенно сливается въ одинъ синтетическій актъ пониманія, и только анализъ науки различаетъ въ психической дѣятельности разныя стороны и моменты. Но анализируя дѣятельность души, нельзя не видѣть, что чувственное воспріятіе должно предшествовать созерцанію, созерцаніе—представленію; представленіе рождаетъ слово, которымъ сопровождается дальнѣйшее развитіе теоретическихъ силъ духа: образованіе понятія, сужденія, умозаключенія. Наконецъ не скроемъ и того, что представленный нами человѣкъ, въ душѣ котораго мы наблюдали постепенное развитіе умственныхъ силъ, есть человѣкъ воображаемый, а не дѣйствительный. Мы говорили о человѣкѣ и рассматривали его будто дитя, которое впервые учится видѣть, слышать, осязать, созерцать, представлять. Но говоря о происхожденіи языка, мы по необходимости должны были обратиться мыслію къ предполагаемымъ временамъ умственнаго дѣтства человѣка, къ временамъ *дѣтства взрослыхъ людей*. Во времена историческія на сколько изслѣдованіе можетъ проникнуть въ отдаленнѣйшую ихъ глубину, вездѣ встрѣчаемъ людей, говорящихъ уже готовымъ языкомъ. Когда и какъ произошелъ этотъ языкъ, никто изъ нихъ не помнитъ и не знаетъ. Но если допустить, что и въ душѣ взрослыхъ людей сила разумнѣя развивалась такъ, какъ, руководствуясь отчасти анализомъ и отвлеченіемъ науки, отчасти аналогіею съ развитіемъ души дитяти, мы вѣдѣсь представили; то въ самомъ дѣлѣ можно сказать, что въ жизни человечества было время, когда умственная дѣятельность выражалась не какъ *сознательное мышленіе, а какъ инстинктивная сила, творящая языкъ*. Этимъ предположеніемъ допускается не постепенное приобрѣтеніе человѣкомъ новыхъ способностей, а только постепенное развитіе одной и той же разумной природы человѣка въ исторіи человечества.

6. Взглядъ на языкъ, какъ на рефлексивное движеніе, исторгнутое у органовъ рѣчи въ минуту образованія представленія, объясняетъ психическіе и фізіологическіе элементы рѣчи, но еще не изчерпываетъ всей сущности языка, въ которомъ дѣйствительно нельзя не видѣть присутствія высшей творящей силы, превышающей всякій личный человѣческій разумъ. Только высшая разумная сила въ названіи предмета могла выразить такой вѣрный взглядъ на самое существо его; только та же разумная сила могла дать языку строеніе, съ такимъ глубокомысліемъ и вмѣстѣ простотою приноровленное къ выраженію всѣхъ изгибовъ мысли и движеній чувства. Напрасно объяснять разумъ языка свѣжестью душевныхъ силъ первыхъ людей. Одна свѣжесть силъ еще не порука ихъ нравственной мощи. Напротивъ, *выдумать* языкъ скорѣе могъ бы человѣкъ образованный, нежели дикій, если бы только образованность и развитіе были возможны безъ языка и если бы языкъ былъ плодомъ сознательнаго и слѣдовательнаго личнаго разума человѣка. Такимъ образомъ, чтобы объяснить происхожденіе языка, остается предположить, что онъ возникъ въ устахъ человѣка въ минуту особеннаго психическаго настроенія, которое можно выразить только словомъ — *вдохновеніе*. Если подъ этимъ словомъ понимать инстинктивное обнаруженіе въ массахъ людей разумной силы, составляющей сущность человѣческой природы, то нельзя не видѣть участія вдохновенія въ исторіи человѣчества, и именно въ лучшія и плодотворнѣйшія минуты его жизни. Съ этой точки зрѣнія, вдохновеніе перестаетъ быть предположеніемъ и является особаго рода положительнымъ историческимъ двигателемъ, непостижимымъ въ своей сущности, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ *).

*) Введеніе во всеобщее языкознаніе. В. Гумбольдта. Пер. П. С. Билярскаго. Журналъ Минст. Народ. Просвѣщенія. 1838. Январь. Стр. 3—7.

7. Образованіемъ представленія не оканчивается развитіе теоретическихъ силъ духа: за представленіемъ слѣдуетъ область отвлеченнаго мышленія, которое, сопровождаемая словомъ, въ свою очередь дѣйствуетъ на слово.

Какъ молнія сверкнуло самосознаніе, образовало представленіе и исторгло у органовъ рѣчи рефлексивное движеніе—слово. Но созерцаніе прежде, нежели дѣйствіемъ самосознанія было обращено въ представленіе, состояло изъ множества признаковъ, переданныхъ внѣшними чувствами. Изъ этой совокупности признаковъ самосознаніе выбираетъ одинъ существенный, характеристическій признакъ, вноситъ его въ представленіе, выражаетъ въ словѣ. Характеристическій признакъ дѣлается въ этомъ случаѣ представителемъ всего созерцанія; онъ звучитъ и въ словѣ, которое поэтому есть названіе не предмета, а нашего представленія о предметѣ *). Но человѣкъ мало зналъ бы

*) Возьмемъ для примѣра слово *кровь*. Звукъ: *кр.*, повторяющійся въ словахъ: *красный, краска*, показываетъ, что самосознаніе въ созерцаніи крови отмѣтило, какъ главную характеристическую черту, признакъ цвѣта, этотъ признакъ воплотило въ звукъ и сдѣлало его представителемъ и созерцанія, и предмета. Въ различныхъ созерцаніяхъ кровь могла представляться душъ и теплою, и холодною, и льющеюся, и густою; но самосознаніе отвергло всѣ эти черты и только признакъ цвѣта, показавшійся ему существеннымъ, отмѣтило и внесло въ представленіе, и въ слово. На то же самое созерцаніе другой народъ, съ другимъ умственнымъ настроеніемъ, могъ иначе посмотрѣть, составить себѣ другое представленіе о крови и выразить его другимъ словомъ. Представленіе возникло въ душѣ вслѣдствіе неоднократнаго созерцанія недѣлимыхъ извѣстнаго рода; черта, отмѣченная въ нихъ самосознаніемъ, принадлежитъ всѣмъ имъ, составляетъ ихъ общую, родовую характеристику, которая повторяется и во всѣхъ остальныхъ недѣлимыхъ того же рода. Поэтому представленіе имѣетъ значеніе родовое: это не образъ единичнаго предмета, а идеальный образецъ, по которому существуетъ въ природѣ безконечное множество предметовъ. Подобно тому и слово есть названіе не предмета, а рода—имя нарицательное. Увидѣвъ извѣстный предметъ, человѣкъ говоритъ: это камень, растеніе, животное, то есть самымъ названіемъ предмета относитъ его къ извѣстной категоріи предметовъ.

о природѣ, если бы все знаніе его ограничивалось только тѣмъ, что сказало ему самосознаніе въ минуту образованія представленія и слова: онъ мало зналъ бы о крови, облакѣ, душѣ, если бы только зналъ, что *кровь=красное, облако=облаченіе, душа=дыханіе*. Дѣйствіемъ самосознанія душа возвела извѣстное созерцаніе на степень представленія, но тѣмъ еще не изчерпала всего богатства его содержанія: въ созерцаніи заключается множество другихъ признаковъ, которые, путемъ сознательнаго мышленія, могутъ быть сознаны и уяснены, какъ былъ сознаны инстинктивно признакъ, составившій содержаніе представленія. Самый опытъ, показывая намъ предметы въ новыхъ положеніяхъ, вызываетъ нашъ умъ на новый судъ о нихъ. Человѣкъ замѣчаетъ, что кровь, о которой онъ составилъ себѣ представленіе, какъ о красной, бываетъ и *тепла*, что теплая кровь *льется*, что теплая, льющаяся кровь *разлагается*. Въ каждый данный моментъ человѣкъ можетъ повторить актъ самосознанія, образовавшій представленіе, и изрѣчь новый судъ уже о самомъ представленіи. Если, при переходѣ созерцанія въ представленіе, это послѣднее можно разсматривать какъ сказуемое созерцанія, какъ характеристическій признакъ, посредствомъ котораго самосознаніе судить о созерцаніи; то въ дальнѣйшемъ анализѣ признаковъ, составляющихъ содержаніе созерцанія, представленіе, замѣняя созерцаніе, являясь его *представителемъ*, само дѣлается подлежащимъ сужденія, а новый открываемый признакъ его сказуемымъ. Анализированное такимъ образомъ представленіе обращается въ *понятіе*, которое, какъ видимъ, требуетъ для своего образованія неоднократнаго повторенія акта сужденія.

Въ этомъ психическомъ дѣйствіи открывается впервые та разумная сила, посредствомъ которой человѣкъ овладѣваетъ многообразіемъ природы и покоряетъ ее своей власти.

Добытое разумомъ души въ созерцаніи вносится въ представленіе, представленіе дѣлается предметомъ новаго суда и составляетъ понятіе, понятіе подвергается новому анализу и образуетъ развитое логическое сужденіе; такимъ образомъ весь логическій процессъ представляетъ повтореніе акта самосознанія, обнаружившагося первоначально въ представленіи.

8. Какъ труденъ былъ бы для ума этотъ путь постоянного повторенія акта самосознанія, если бы умъ не находилъ себѣ внѣшней опоры въ словѣ. По самому существу своему, сознание наше, въ одно и то же время, можетъ ясно и раздѣльно представлять только немногіе признаки. Поэтому добытое силою сужденія въ одинъ моментъ, разумъ выражаетъ въ словѣ, это слово дѣлаетъ знакомъ мысли и, опираясь на эти чувственные знаки, сохраняя въ нихъ плодъ своей прежней дѣятельности, идетъ далѣе. Мы думаемъ не посредствомъ полныхъ созерцаній предметовъ, а посредствомъ представленій, то есть посредствомъ словъ. Одна эта тѣсная связь между мышленіемъ и языкомъ показываетъ, что языкъ необходимъ человѣку не столько для обмѣна и передачи мыслей, сколько для самой возможности мыслить. Для передачи другимъ своихъ ощущеній, вызванныхъ внѣшнею нуждою, человѣку было бы довольно и крика, и языкъ дѣйствительно остался бы на степени крика, если бы въ душѣ человѣка не было идеальныхъ стремленій: если бы умъ его не стремился къ знанію для знанія, если бы чувство и фантазія не стремились къ художественному воспроизведенію дѣйствительности въ пѣснѣ, для безкорыстнаго наслажденія пѣснію.

Каждое слово, какъ выраженіе представленія, какъ названіе характеристической черты, отмѣченной разумомъ въ извѣстномъ созерцаніи, имѣетъ свой естественный смыслъ. Но чѣмъ болѣе узнаетъ человѣкъ на пути своего истори-

ческаго развитія, тѣмъ болѣе забывается этотъ первоначальный, этимологическій смыслъ словъ. Успѣхи науки, цивилизація, съ теченіемъ времени, однимъ и тѣмъ же звукамъ даютъ совершенно другое умственное содержаніе. Для Римлянина вѣка августова слово *virtus* означало не то, что означало оно для Римлянина временъ доисторическихъ, который въ мужествѣ видѣлъ главную добродѣтель и мужествомъ называлъ и добродѣтель вообще. Для насъ слово *жена* означаетъ не то, что означало оно для Славянина язычника, видѣвшаго въ женѣ только *рождающую* *). Съ теченіемъ времени, съ утратою этимологическаго смысла, слово дѣлается будто пустымъ звукомъ, ожидающимъ своего умственнаго содержанія отъ личнаго разума говорящаго. Эта кажущаяся безсодержательность слова, эта способность его каждую минуту наполняться смысломъ, вносимымъ въ него разумомъ, и дѣлаетъ слово настоящимъ органомъ разума. Первоначальный, этимологическій смыслъ слова не окаменѣлъ въ немъ: каждую минуту онъ готовъ уступить мѣсто новому, каждую минуту слово способно озаряться новымъ свѣтомъ разума. Какъ различны понятія, положимъ, о воздухѣ химика и человѣка незнающаго химіи, и между тѣмъ и тотъ и другой употребляютъ одно и то же слово—*воздухъ*. Если бы, вслѣдствіе новыхъ успѣховъ науки, составилось новое понятіе о воздухѣ, то и тогда вышнимъ знакомъ этого понятія было бы то же самое слово: *воздухъ*. Какое бы ни было понятіе о воздухѣ, оно будетъ прикрѣпляться къ слову *воздухъ*, какъ къ представителю извѣстнаго созерцанія. Такимъ образомъ языкъ является не столько готовымъ и законченнымъ матеріаломъ,

*) Греческое: *γενή*, русское: *жена*, имѣютъ то же этимологическое значеніе, что и латинское *genitrix* рожающая, корень котораго повторяется во французскомъ *génération* рожденіе, родъ.

сколько субъективной дѣятельностью, живымъ обнаруженіемъ дара слова. Но въ этой-то зыбкости смысла словъ, въ этой зависимости ихъ отъ личности говорящаго, и заключается тайна назначенія языка служить орудіемъ мысли—вѣчно живой и стремящейся къ развитію *).

9. Мы смотримъ на языкъ, какъ на явленіе, которое неизбежно возникаетъ въ душѣ человѣка для того, чтобы было возможно другое явленіе—мышленіе. Слѣдовательно человѣкъ говоритъ вслѣдствіе внутреннихъ, а не внѣшнихъ побужденій, говоритъ прежде всего для себя, а не для передачи своей мысли другимъ. Источникъ и первоначальная цѣль языка личное самосознаніе, а не передача мысли другому. Но если такъ, то какимъ образомъ люди могли понимать другъ друга, какимъ образомъ средство уясненія мысли для себя могло послужить и средствомъ передачи мысли другому?

По своей природѣ, человѣкъ есть существо, живущее въ обществѣ. Одно долговременное дѣтство заставляетъ людей цѣлые годы жить вмѣстѣ. Этотъ первоначальный общественный союзъ, съ теченіемъ времени, все болѣе скрѣпляется. Такимъ образомъ человѣкъ и живетъ, и думаетъ, и чувствуетъ—словомъ, испытываетъ все то, что можетъ возбудить дѣятельность духа и отразиться въ словѣ, не иначе какъ въ обществѣ другихъ людей. Единство по-

*) Языкъ есть живая субъективная дѣятельность, а не мертвая совокупность словъ. Но эта дѣятельность, воплощаясь въ звукахъ, дѣлается чѣмъ-то внѣшнимъ, объективнымъ, что въ свою очередь имѣетъ огромное вліяніе на духъ человѣка. Вылившись однажды изъ устъ народа, языкъ получаетъ будто самостоятельное бытіе. Всякій долженъ говорить такъ, какъ требуетъ языкъ, всякій испытываетъ вліяніе умственной силы, выразившейся въ языкѣ. Но сказанное подъ вліяніемъ языка вновь воскресаетъ въ душѣ, какъ дѣятельность субъективная. Пока живетъ народъ, эта связь между его языкомъ и духомъ и взаимное ихъ дѣйствіе на себя не прекращаются.

ложенія, происхожденія, умственного настроенія, рождаетъ и единство языка. Одинъ думаетъ и чувствуетъ такъ, какъ думаетъ и чувствуетъ другой, потому и говоритъ такъ, какъ говоритъ другой. Человѣкъ, видя въ другомъ то, что происходитъ въ немъ самомъ, понимаетъ другаго, какъ понимаетъ самаго себя. Вслѣдствіе взаимной симпатіи, между людьми пониманіе является неизбѣжно, инстинктивно, какъ инстинктивно образовался и самый языкъ въ душѣ человѣка. Сознательнымъ употребленіемъ языка для передачи своихъ мыслей другому мы никогда не объяснимъ происхожденія языка, потому что, дабы согласиться съ другимъ въ употребленіи словъ, надо переговорить съ нимъ, а чтобы переговорить, надо говорить. Нѣтъ однако сомнѣнія, что и необходимость передачи своей мысли другому играла важную роль въ образованіи языка. Основаніе такихъ грамматическихъ синтезовъ, какъ предложенія вопросительное и повелительное, скрывается не въ логическомъ составѣ сужденія, а въ разговорномъ началѣ языка, и только этимъ началомъ можно объяснить ихъ происхожденіе.

Языкъ, по мѣрѣ развитія въ немъ умственной силы, въ свою очередь пріобрѣтаетъ власть надъ душею человѣка: изъ дѣятельности субъективной онъ дѣлается объективнымъ дѣломъ, которому человѣкъ долженъ выучиваться отъ другихъ. Служа органомъ умственного развитія, сливаясь со всѣмъ тѣмъ, что произвела разумная природа человѣка, языкъ носить на себѣ печать ума и труда прежнихъ поколѣній, и новымъ не дается непосредственно, а передается. Такъ передается языкъ и теперь. Человѣку врожденъ даръ слова, а не готовый языкъ. Этотъ даръ можетъ быть вызванъ и развитъ и обстоятельствами, дѣйствовавшими на образованіе языка въ самомъ началѣ происхожденія человѣческихъ обществъ и языковъ, и уже готовымъ языкомъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ психическій процессъ образованія

языка одинъ и тотъ же. Основаніемъ этого процесса служить сила представленія и ея рефлексивное дѣйствіе на органы рѣчи.

10. Языкъ есть соединеніе звука и представленія. Соединеніе это инстинктивно. Какъ глазъ неизбежно отражаетъ видъ предмета, такъ въ звукѣ неизбежно рефлексируется характеристическій признакъ умственного созерцанія предмета. Если такъ, то между звукомъ слова и его значеніемъ должно быть извѣстное соотвѣтствіе. Въ чемъ же заключается это соотвѣтствіе, на какомъ основаніи съ извѣстнымъ звукомъ соединяется именно то, а не другое представленіе, почему, напримѣръ, представленіе *ходить* названо словомъ *ходить*, а не словомъ *лежать*?

Соотвѣтствія между звукомъ слова и его значеніемъ отвергать нельзя; но рѣдко можно объяснить, въ чемъ именно оно состоитъ. „Какимъ образомъ сущность всѣхъ предметовъ міра видимаго и всѣхъ внутреннихъ движеній души выражается въ словѣ однимъ впечатлѣніемъ на слухъ, это въ большей части словъ остается необъяснимымъ“ *). Причины, почему извѣстныя представленія названы именно тѣми, а не другими звуками, можно искать или въ *звуко-подражаніи*, или въ *символизмѣ*.

Звуко - подражаніе (*Onomatopöie*) заключается въ названіи предмета звуками, близкими къ звукамъ, производимымъ самымъ предметомъ. Въ словахъ: *шумъ*, *шелестъ*, *громъ*, повторяются звуки, слышимые и въ предметахъ, названныхъ этими звуками. Сущность, впрочемъ, звуко-подражанія заключается не въ копированіи звуковъ самаго предмета. Между словомъ и предметомъ нѣтъ непосредственной связи. Звукъ слова рисуетъ не предметъ и даже не созерцаніе предмета, а только тотъ характеристическій

*) В. Гумбольдтъ.

признакъ, который самосознаніе выбрало изъ всей совокупности признаковъ, составляющихъ содержаніе извѣстнаго созерцанія. Очень естественно, что самосознаніе въ созерцаніи предметовъ, дѣйствующихъ на слухъ, поражается по преимуществу звукомъ, производимымъ предметами, и отражаетъ этотъ звукъ, какъ черту характеристическую, въ названіи предмета.

Символизмъ звуковъ заключается въ соотвѣтствіи между впечатлѣніемъ, производимымъ звукомъ слова на слухъ, и впечатлѣніемъ, производимымъ предметомъ на душу. Слова: *мракъ*, *смерть*, *моръ*, своими коренными звуками напоминаютъ впечатлѣніе чего-то заставляющаго содрогаться, санскритскій корень *li* (лить) напоминаетъ впечатлѣніе плавнаго, текучаго.

Кромѣ рѣченій подражательныхъ и символическихъ, В. Гумбольдтъ находитъ еще рѣченія *аналогическія*, въ которыхъ для словъ, близкихъ другъ къ другу по значенію, употребляются и звуки одинаковые. Здѣсь основаніемъ выбора звуковъ служить не свойство самаго звука, а значеніе слова. Такъ напримѣръ, въ словахъ: *слыть*, *слава*, *слово*, *слухъ*, звучитъ одинъ и тотъ же корень, потому что между понятіями, ими выражаемыми, есть аналогія. Имѣя уже въ своемъ языкѣ слово *слыть*, Славянинъ понятіе о славѣ называлъ словомъ *слава*, на основаніи усмотрѣнной имъ аналогіи между понятіемъ *слыть* и понятіемъ *слава*. Но и вслѣдствіе символизма, въ названіяхъ предметовъ, производящихъ одинаковое впечатлѣніе, звучатъ одинаковые коренные звуки; поэтому такъ называемыя рѣченія *аналогическія* въ сущности не отличаются отъ символическихъ, по крайней мѣрѣ трудно рѣшить, вслѣдствіе чего въ извѣстномъ словѣ звучитъ извѣстный звукъ: вслѣдствіе ли символизма, или вслѣдствіе аналогіи слова съ другимъ, близкимъ ему по значенію.

Нѣтъ однако сомнѣнія, что въ періодъ позднѣйшаго, такъ сказать, сознательнаго развитія и образованія языка, въ названіи предметовъ человѣкъ по преимуществу руководствуется аналогіею. Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ всякое новое понятіе назвать звукомъ, уже существующимъ въ запасѣ словъ и выражающимъ аналогическое понятіе.

11. Сила духа одна, но пути проявленія ея различны *); на каждомъ изъ нихъ она является какъ бы особою, самостоятельною силою, дѣйствующею по особымъ законамъ. Три главныхъ направленія, по которымъ дѣйствуетъ и развивается одинъ и тотъ же разумъ души: направленіе теоретическое, художественное, практическое; путь знанія, искусства, исторіи. И въ наукѣ, и въ искусствѣ, дѣйствуетъ одинъ и тотъ же разумъ, выражается одинъ и тотъ же его верховный законъ—*стремленіе къ единству, къ согласію*; но въ наукѣ этотъ законъ выражается согласіемъ отвлеченныхъ понятій, въ искусствѣ—согласіемъ конкретныхъ формъ; въ наукѣ разумъ дѣйствуетъ, какъ сила мышленія, въ искусствѣ—какъ чувство прекраснаго.

Подъ вліяніемъ какихъ законовъ образуется языкъ: подъ вліяніемъ ли логическихъ законовъ мышленія, или подъ вліяніемъ эстетическихъ законовъ чувства? Вліяніе на языкъ имѣютъ и тѣ и другіе законы, но ни съ тѣми ни съ другими онъ не связанъ непосредственно. Языкъ, дѣйствительно, есть плодъ теоретической дѣятельности духа, плодъ мышленія, но плодъ не сознательнаго, отвлеченнаго мышленія, которымъ занимается логика; языкъ есть знакъ мысли, ея форма, но форма не художественная, о которой говорить эстетика.

*) „Сила духа имѣетъ бытіе только въ дѣятельности, а къ этой дѣятельности она воспламеняется всеѣмъ существомъ своимъ, но принимая всегда какое нибудь особенное направленіе“. В. Гумбольдтъ. Введ. во всеоб. языков.

Что языкъ не есть непосредственное выраженіе дѣятельности эстетическаго чувства это ясно: одни грамматическія свойства языка не производятъ впечатлѣнія изыскаго. Языкъ есть средство поэзіи, какъ мраморъ есть средство ваянія; но мраморъ не готовая прекрасная статуя; языкъ, въ своемъ обыкновенномъ употребленіи, не поэзія.

По видимому, языкъ долженъ имѣть болѣе близкое отношеніе къ логическимъ законамъ мышленія, такъ какъ слово есть прямое выраженіе мысли. Но анализъ мысли, выраженной словами, доказываетъ, что логическія отношенія понятій и грамматическія отношенія словъ не всегда совпадаютъ, что въ мышленіи есть много важныхъ категорій, не вызвавшихъ аналогическихъ категорій языка, и что на оборотъ, въ языкѣ есть много категорій, важныхъ для языка и не существующихъ для отвлеченнаго мышленія *).

*) Чтобы различіе между языкомъ и мышленіемъ, о которомъ здѣсь говорится, было ясно, слѣдуетъ слово: „мышленіе“ понимать такъ, какъ его понимаетъ формальная логика. Мышленіе есть глѣзная, но не единственная познавательная способность. Кромѣ мышленія, способность знать выражается еще, какъ мы видѣли, дѣйствіемъ вѣншихъ чувствъ, образованіемъ созерцанія, представленія. На каждый изъ этихъ ступеней развитія силы сознанія душа знаетъ. На ступени чувственныхъ воспріятій и созерцанія душа непосредственно знаетъ то, что сказали ей чувства; на ступени представленія она знаетъ то, что сказалъ ей разумъ, но тоже вслѣдствіе непосредственнаго наблюденія предмета. *Непосредственность* составляетъ отличительную черту знанія на этихъ ступеняхъ. Совершенно другой характеръ знанія въ области мышленія. На основаніи своихъ врожденныхъ законовъ, мышленіе проникаетъ во внутреннія отношенія предметовъ и, развивая эти отношенія, старается уразумѣть одинъ членъ отношенія посредствомъ другаго, старается дойти до познанія предмета посредствомъ ряда сужденій и умозаключеній о предметѣ. Знаніе мышленія есть знаніе *посредственное*. Изученіемъ природы мышленія, изученіемъ тѣхъ формъ и законовъ, подъ условіемъ которыхъ дѣйствуетъ мышленіе, занимается логика. Поэтому слово *логическій* значитъ свойственный логикѣ, наукѣ о мышленіи; затѣмъ можетъ означать и свойственный самому мышленію, сообразный съ его законами; на-

Можно указать нѣсколько очень важныхъ логическихъ категорій, оставшихся безъ всякаго слѣда въ языкѣ. Такъ, напримѣръ, для логики очень важна категорія отношенія понятій по ихъ объему и содержанію, какъ основаніе для раздѣленія понятій на видовыя и родовыя. Понятія: *роза*, *цвѣтокъ*, *растеніе*, съ логической точки зрѣнія, находятся именно въ отношеніи рода, вида, класса; но этихъ важныхъ логическихъ отношеній языкъ не выразилъ въ грамматической формѣ словъ. Еще важнѣе для логики категорія противоположности и особенно положительной *); но и она не отпечатлѣлась въ формѣ словъ. Слова: *добрый* и *злой*, *черный* и *бѣлый* для грамматики только различны между собою, какъ различны и слова: *добрый* и *храбрый*, *черный* и *вкусный*; между тѣмъ логика между понятіями *добрый* и *злой*, *черный* и *бѣлый* усматриваетъ совершенно другое отношеніе, нежели между понятіями *добрый* и *храбрый*, *черный* и *вкусный*. Понятіе *слышной* логика должна отнести къ категоріи понятій отрицательныхъ, потому что въ немъ

конецъ можетъ быть употреблено и въ значеніи — сообразный съ законами вообще. Употребляя слово: „логическій“ въ этомъ послѣднемъ значеніи, можно сказать, что и кровообращеніе, и движеніе земли логичны, то есть согласны съ законами, но съ своими собственными, а не съ логическими, то есть не съ тѣми, о которыхъ говорится въ логикѣ. Законъ тяготѣнія не есть законъ соединенія подлежащаго съ сказуемымъ; логика движенія земли другая, нежели логика мышленія. Такъ точно и логика языка другая, нежели логика отвлеченнаго мышленія; поэтому, если и называть языкъ логичнымъ, то только въ смыслѣ сообразности языка съ своими собственными законами, а не съ законами отвлеченнаго мышленія.

*) Логика отличаетъ два рода противоположности: положительную и отрицательную. Отрицательную противоположность представляютъ два понятія, изъ которыхъ въ одномъ отрицается то, что утверждается въ другомъ, напр. *добрый*, *недобрый*; *тѣлесный*, *бестѣлесный*. Положительную противоположность представляютъ два утвердительныя понятія, по смыслу противоположныя другъ другу: *добрый*, *злой*; *тѣлесный*, *духовный*.

отрицается примѣта зрѣнія, между тѣмъ въ словѣ *слѣпой* грамматика не видитъ никакого отрицанія.

Въ предложеніи: *его доброта плѣнила меня*, слово *доброта*, какъ понятіе качества, съ точки зрѣнія логики, принадлежитъ къ другой категоріи, нежели слово *камень*—названіе субстанціи; между тѣмъ для грамматики и *доброта*, и *камень*, равно существительныя. Мало того, этой мнимой субстанціи, своему существительному, языкъ даетъ полъ. (Судя логически, полъ могутъ имѣть предметы, а не представленія; языкъ есть знакъ представленій, а не предметовъ, слѣдовательно для языка, если бы на представленія онъ смотрѣлъ глазами логики, категорія пола не должна и существовать. И однако языкъ даетъ родъ не только представленіямъ одушевленныхъ, но и неодушевленныхъ, и отвлеченныхъ. Примиряясь съ существительнымъ безъ существа, съ родомъ безъ пола, все таки можемъ сомнѣваться въправѣ ли мы сказать: *доброта плѣнила*, такъ какъ плѣнять, дѣйствовать, можетъ только существо живое, а не отвлеченное понятіе; не точнѣе ли поэтому выразимся, сказавши: *онъ плѣнилъ меня своею добротою*. Затѣмъ возникаетъ сомнѣніе на счетъ точности слова *плѣнять*. *Плѣнять* значить брать въ плѣнъ; но развѣ онъ взялъ меня въ плѣнъ? Мы отвергаемъ это неточное, антилогичное выраженіе и замѣняемъ его другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ понятію: *онъ пріобрѣлъ мою расположенность своею добротою*, *онъ внушилъ мнѣ уваженіе* и т. п. Но сколько бы мы ни старались выразить въ словѣ только то, что есть въ понятіи; чувственная природа слова проскользнетъ не въ томъ, такъ въ другомъ выраженіи. Между тѣмъ, вслѣдствіе излишней, мелочной заботливости о томъ, чтобы пригнать слово къ мысли, мы стираемъ съ слова краски, разрушаемъ его наглядную форму, лишаемъ его того, въ чемъ заключается его жизнь и сила.

Что отвлеченныя стремленія мысли разрушительно дѣйствуютъ на живописную природу языка это доказывается исторіею всѣхъ новыхъ языковъ сакскритскаго корня. Подъ вліяніемъ логическаго мышленія самостоятельныя формы словъ все болѣе и болѣе исчезаютъ и замѣняются словами служебными и формами описательными *).

Различіе между отвлеченнымъ мышленіемъ и языкомъ выражается различіемъ между составомъ сужденія и составомъ предложенія. Въ сужденіи, на основаніи извѣстнаго отношенія между двумя понятіями, признается только ихъ соединимость въ мышленіи: это $A=B$. Поэтому сужденіе состоитъ только изъ двухъ членовъ отношенія: изъ подлежащаго и сказуемаго. Предложеніе есть переводъ мыслимаго въ дѣйствительность; въ предложеніи, какъ говоритъ В. Гумбольдтъ, представляемое только соединимымъ въ мышленіи становится состояніемъ или событіемъ дѣйствительности, поэтому въ предложеніи находимъ и третій членъ, которымъ выражается признаніе дѣйствительности мыслимаго, находимъ *связь*, (*copula*) **).

Логика и грамматика употребляютъ одни и тѣ же термины: подлежащее, сказуемое; но въ одномъ и томъ же предложеніи логика видитъ свое подлежащее въ одномъ словѣ, грамматики въ другомъ. Скажу ли я: *солнце освѣщаетъ землю*, или *земля освѣщается солнцемъ*, въ обоихъ сужденіяхъ для логики подлежащимъ можетъ быть только *солнце*, потому что только ему свойственъ признакъ *свѣтъ*; но логика языка можетъ разсматривать и страждущій объектъ, какъ субъектъ, поэтому для грамматики въ первомъ предложеніи подлежащее—*солнце*, во второмъ—*земля*. Языкъ не заботится ни о реальныхъ отношеніяхъ предме-

*) См. опытъ истор. грам. Буслаева. ч. II. § 116.

**) Введ. во всеоб. языкоз. Журналъ М. Н. Ц. Май 1859 г. ст. 81.

товъ, ни о логическихъ отношеніяхъ понятій, и, передавая гѣ и другія, слѣдуетъ своимъ собственнымъ законамъ. Такъ живописецъ, срисовывая предметъ, употребляетъ не средства дѣйствительности — три измѣренія, а средство живописи — перспективу. Какъ искусство выражаетъ дѣйствительность, такъ языкъ выражаетъ мысль; но и языкъ, и искусство, имѣютъ свою особую логику, независящую отъ логики того, что они выражаютъ.

На основаніи какихъ логическихъ законовъ, обращаясь къ одному лицу, мы говоримъ ему *вы*, нѣмецъ говоритъ *они*, а Китаецъ создалъ себѣ столько личныхъ мѣстоимѣній, сколько есть ступеней въ лѣстницѣ китайской общественной іерархіи? Не согласовался ли въ этомъ случаѣ языкъ съ своею собственною логикою, которая во французскомъ языкѣ отлична отъ логики языка нѣмецкаго, въ нѣмецкомъ отлична отъ логики языка китайскаго?

Въ предложеніи: *ему слѣдовало ухватъ*, логическое подлежащее — дательный падежъ.

Предложенія: *какъ ваше здоровье? подайте мнѣ книгу*, нельзя назвать сужденіями, потому что въ нихъ ничего не утверждается и не отрицается; тѣмъ не менѣе это такіе же грамматическіе синтезы, какъ и всякое другое предложеніе.

Различіе между логическими требованіями мышленія и грамматическими требованіями языка рѣзче всего высказывается въ поэзіи, гдѣ рѣдкая красота выраженія не есть логическая безсмыслица.

Люблю тебя Петра творенье.....

Твоихъ задумчивыхъ ночей

Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей

Пишу, читаю безъ лампы
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ...

Или:
И у воротъ ея стоятъ
На стражъ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды въковъичные горятъ

Выраженія: *задумчивыя ночи, спящія громады улицъ, граниты стоятъ на стражъ льды горятъ*, логика должна отвергнуть, какъ несогласныя съ ея основнымъ требованіемъ — не совмѣщать въ одномъ актѣ мышленія противорѣчащихъ понятій: ночи не думаютъ, улицы не спятъ, льды не горятъ. Правда, вина этихъ противорѣчій заключается не въ грамматическихъ свойствахъ языка, а въ свойствахъ поэтической формы мысли; но и языкъ есть тоже форма мысли и, какъ форма, подчиненъ своимъ особымъ законамъ, имѣетъ свои собственные категоріи *).

Отношеніе языка къ мышленію объясняется самымъ способомъ происхожденія языка. Языкъ возникъ въ устахъ человѣка инстинктивно, какъ невольное отраженіе представленій, вызванныхъ впечатлѣніями. Какъ глазъ отражаетъ предметы, такъ въ языкѣ нѣкогда отразились представленія предметовъ и ихъ отношеній. Поэтому строеніе языковъ зависитъ не отъ логическихъ отношеній понятій, не отъ реальныхъ отношеній предметовъ, а отъ образа индивидуальнаго представленія тѣхъ и другихъ. Одно и то же реальное отношеніе одинъ народъ представляетъ такъ, другой иначе. Французъ говоритъ *partir pour l'Amerique*, Нѣмецъ — *fahren nach Amerika*, Русскій — *ѣхать въ Америку*, По-

*) См. Буслаева опытъ истор. грам. Ч. II. §§ 115, 116, 117 и 118.

лякъ—*jechać do Ameryki*. Каждое изъ этихъ выражений указываетъ на одну и ту же мысль, но каждое указываетъ, соображаясь не съ логическими отношеніями понятій, которыя для всѣхъ людей одинаковы, а съ способомъ народнаго воззрѣнія на эти отношенія. Въ выраженіи *jechać do Ameryki*, Французъ и Нѣмецъ представляютъ себѣ Америку какъ цѣль движенія, Русскій и Полякъ какъ его предѣлъ, но Полякъ предѣломъ движенія считаетъ край Америки, Русскій—ея внутренность. Языкъ есть знакъ мысли, но знакъ этотъ, первоначально вызванный логикою народнаго воззрѣнія на природу, не зависитъ отъ логики общечеловѣческаго мышленія. Каждый языкъ имѣетъ свою особую логику, какъ каждый народъ свою умственную индивидуальность. Объяснить звуковыя формы, служащія выраженіемъ логики, свойственной тому или другому языку, дѣло грамматики, которая поэтому есть наука, по своему содержанію, совершенно отдѣльная отъ логики отвлеченнаго мышленія.

Языкъ, въ источникѣ своемъ совершенно независимый отъ логическаго мышленія, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе подчиняется его вліянію. Какъ цивилизація обобщаетъ народы, такъ мысль постепенно уничтожаетъ въ языкахъ формы, бывшія выраженіемъ индивидуальности національнаго воззрѣнія и подчиняетъ языки взгляду общечеловѣческой логики.

12. Взглядъ на отношеніе языка къ мышленію крайне важенъ въ наукѣ о языкѣ по своимъ результатамъ. Имѣется рѣшается и взглядъ на самое существо языка, рѣшается вопросъ о томъ, что звучитъ въ формахъ языка: логика ли общечеловѣческаго отвлеченнаго мышленія, или логика языка, выражающаяся въ языкѣ cadaго народа своимъ особеннымъ образомъ.

До Беккера включительно, въ наукѣ о языкѣ господствовало мнѣніе, что въ основѣ каждаго языка лежитъ одна и та же система логическихъ категорій, что грамматика и логика только двѣ стороны одного и того же предмета: грамматика разсматриваетъ слова, логика мысли; но слово и мысль одно и то же: слово—воплощеніе мысли; мысль—душа слова *).

Этотъ взглядъ на грамматику, какъ на эхо логики, доведенъ до крайности именно у Беккера. По его мнѣнію, логическое мышленіе невозможно безъ слова, какъ сила безъ матеріи, и членораздѣльный звукъ есть *органическій* элементъ самой мысли. Эта идея объ *органическомъ* соединеніи слова съ логическимъ мышленіемъ встрѣчается на каждой страницѣ его сочиненія, которое въ этомъ именно смыслѣ и названо „*Организмомъ языка*“. Беккеръ до того увлекается этою идеею, что не только всѣ формы языка объясняетъ категоріями логическаго мышленія, но даже корни словъ и ихъ постепенное развѣтвленіе въ языкѣ выводитъ изъ основныхъ, по его мнѣнію, логическихъ понятій и ихъ постепеннаго, логически неизбежнаго развитія въ мышленіи. Подъ вліяніемъ философіи Шеллинга и Гегеля, Беккеръ видѣлъ вездѣ полярность, синтезъ двухъ противоположностей. Въ мышленіи такими двумя полюсами онъ признаетъ понятія *бытія* и *дѣйствія*, выраженіемъ ихъ въ языкѣ—имена существительныя и глаголы. Всѣ имена и всѣ глаголы, по мнѣнію Беккера, суть видоизмѣненія основныхъ понятій бытія и дѣйствія и развиваются въ каждомъ языкѣ систематически, вмѣстѣ съ систематическимъ раз-

*) См. *Organism der Sprache* von D-r. K. F. Becker. Frankfurt am Main. 1841 г. стр. 2 и 25. Чтобы не увлекаться кажущейся справедливостью подобныхъ выраженій не слѣдуетъ забывать, что главная творящая сила въ языкѣ не сознательное логическое мышленіе, а самосознаніе дѣйствующее инстинктивно въ минуту образованія представленія и слова (см. § 5).

витіємъ этихъ понятій въ мышленіи. Какъ въ природѣ всякая индивидуальная жизнь представляетъ соединеніе въ извѣстномъ отношеніи матеріи и силы, духа и плоти; такъ въ мышленіи и языкѣ всякій синтезъ есть синтезъ понятій бытія и дѣйствія: въ языкѣ имя существительное есть представитель начала вещественнаго; глаголъ — представитель начала образующаго; соединеніемъ ихъ въ извѣстномъ отношеніи объясняются всѣ явленія языка *).

Первый В. Гумбольдтъ своими глубокими изслѣдованіями языка и языковъ показалъ, что творящая сила въ языкѣ не отвлеченное мышленіе, а весь духъ націи, что *внутренняя форма слова* (innere Sprachform) зависитъ не отъ категорій отвлеченнаго мышленія, а отъ національнаго воззрѣнія и склада ума, что эта внутренняя форма нераздѣльно связана съ *звуковою*, которая въ свою очередь зависитъ отъ національныхъ особенностей въ фізіологическомъ отношеніи. Въ новѣйшее время, подѣ влияніемъ мыслей, высказанныхъ В. Гумбольдтомъ, образовалась новая грамматическая школа, которую, въ отличіе отъ прежней логической, можно назвать психологическою, потому что она разсматриваетъ языкъ въ связи съ психическимъ процессомъ вообще. Представителемъ этой школы въ наше время слѣдуетъ считать Штейнтала.

Критика, которой подвергъ Штейнталь логическую школу Беккера, рѣзка, отчасти пристрастна **), но нельзя не согласиться, что въ сущности она справедлива, что новыя начала грамматики, предлагаемыя Штейнталемъ, могутъ имѣть важное влияніе на разработку науки, что, съ дальнѣйшимъ развитіемъ и примѣненіемъ этихъ началъ, должно измѣниться направленіе не только общаго, но даже сравнительнаго и историческаго языкознанія.

*) См. Organ. der Sprache. Ст. 155.

**) Gram., Log. und Psych. Ст. 1—94.

Если языкъ есть выраженіе духовной индивидуальности націи, то, какъ все индивидуальное, долженъ имѣть свои предѣлы. Поэтому историческое языкознаніе всегда должно имѣть въ виду эти предѣлы и не преступать ихъ. Оно не должно смотрѣть на всѣ нарѣчія одного и того же племени, какъ на общее достояніе какого-то идеальнаго языка племени, не должно смѣшивать дѣйствительной исторіи съ воображаемою. Положимъ, языки произошли отъ одного языка, какъ люди отъ одного человѣка; но это идеальное единство не есть еще единство реальное, историческое. Какъ въ исторіи націи, такъ и въ исторіи языковъ прежде всего должны быть ясно сознаны предѣлы индивидуальности.

Смотря съ этой точки зрѣнія, придется, быть можетъ, многое измѣнить въ нашихъ понятіяхъ объ отношеніи нашихъ областныхъ нарѣчій къ языку литературному, и этого послѣдняго къ языку церковно-славянскому.

Языкъ церковно-славянскій, какъ нашъ языкъ богослужебный и письменный, очень важенъ для насъ, но важность эта не уменьшится, если мы перестанемъ смотрѣть на него, какъ на корень языка русскаго, перестанемъ, при объясненіи явленій языка русскаго, ссылаться на явленія языка церковно-славянскаго. Ихъ можно только сравнивать, какъ можно сравнивать между собою и самые различные языки; но сравнивая о каждомъ надо судить по его собственному началу.

Если права индивидуальности такъ важны для языка, то сравненіе языковъ должно вести только къ болѣе отчетливому пониманію свойствъ cadaго, а не къ тому, чтобы свойства одного переносить на свойства другаго и во всѣхъ видѣть повтореніе одной общей логической системы.

Заслуги Гримма, Боппа, у насъ Буслаева, на столько важны, на сколько эти лингвисты, путемъ сравненія и исторіи, способствовали уясненію индивидуальных формъ языковъ.

13. Въ мышленіи можемъ отличать матеріальныя элементы мысли отъ формальныхъ. Матерію мысли составляютъ представленія мыслимыхъ предметовъ; форму—отношенія, въ которыя стають другъ къ другу эти представленія въ мышленіи. Въ предложеніяхъ: *отецъ любитъ сына, сынъ любитъ отца, любовь отца къ сыну, любимый отцемъ сынъ*, матеріальное содержаніе мысли составляютъ представленія: отецъ, сынъ, любить; но въ каждомъ изъ этихъ предложеній матеріальныя элементы взяты въ другомъ отношеніи, въ каждомъ мыслящая сила духа дала матеріи другую форму. Языкъ есть выраженіе мысли, ея форма, форма столько же самой матеріи мысли, т. е. представленій, сколько и ея формы, т. е. отношеній между представленіями. По отношенію къ мысли, языкъ весь форма: и для показанія отношеній онъ долженъ употребить такіе же знаменательныя знаки, какъ и для показанія матеріальныхъ элементовъ мысли. Такъ или иначе и представленія, и отношенія представленій, должны прозвучать въ языкѣ, чтобы сдѣлаться понятными слушающему. Въ предложеніи: *жилъ для труда*, матеріальное содержаніе мысли составляютъ рѣченія: *жить, трудъ*; слово *для* есть показатель отношенія, слѣдовательно элементъ мысли формальный; между тѣмъ въ основѣ этого слова скрывается такое же матеріальное представленіе какъ и во всякомъ другомъ. Предлоги: *чрезъ, между, предъ, подъ*—показатели отношеній, и однако въ отдѣльности такія же знаменательныя слова, какъ и слова: *чресла, передъ, межа, исподъ*. Тоже должно сказать о союзахъ: *хотя, вѣдь, пусть*, въ которыхъ звучитъ тотъ же корень, что и въ глаголахъ: *хотѣть, вѣдать, пускать*. По всей вѣроятности, всѣ предлоги, союзы, числительныя, мѣстоимѣнія, имѣли первоначально извѣстное матеріальное значеніе, и только потомъ, подъ вліяніемъ отвлеченнаго мышленія, сдѣлались безсодержательными показателями отношеній.

Есть языки, въ которыхъ отношенія представленій разсматриваются какъ особыя представленія и выражаются словами знаменательными.

14. Слово есть знакъ мысли, звуковой знакъ и представленій и ихъ отношеній. Но, чтобы мысль говорящаго была понятна слушающему, необходимо, чтобы и въ вещественномъ знакѣ мысли, въ языкѣ, отразилось различіе между матеріальными и формальными элементами мысли. По самой природѣ языка, это различіе можетъ выразиться въ немъ двумя способами: или посредствомъ видоизмѣненія звуковой формы слова, или посредствомъ разстановки словъ, ударенія и новыхъ знаменательныхъ словъ, выражающихъ отношенія. На различіи этихъ двухъ средствъ основывается раздѣленіе всѣхъ человѣческихъ языковъ на двѣ главныя отрасли: на языки измѣняющіе форму словъ, для выраженія формы мысли, языки *флективные* (*flectirende Sprachen*) и языки, незнакомые съ измѣненіемъ формы словъ, языки *лишенные флексій* (*formlose Sprachen*).

15. Для выраженія различныхъ отношеній, въ которыхъ можетъ быть мыслимо одно и то же представленіе, флективные языки употребляютъ различныя звуковыя формы одного и того же слова. Всѣ возможныя отношенія представленій могутъ быть подведены подъ извѣстное число категорій, вслѣдствіе того и формы словъ могутъ быть раздѣлены на извѣстные разряды. Такъ примѣняя къ представленіямъ логическія категоріи субстанціи и атрибута, можно сказать, что представленія могутъ быть мыслимы, или какъ субстанція, предметъ, или какъ атрибутъ, признакъ предмета. *Крыпость* будетъ принадлежать къ категоріи субстанціи, *крыпкій*, къ категоріи атрибута. И въ *крыпость*, и въ *крыпкій* звучитъ одно основное представленіе о *крыпкомъ*, только мыслимое въ различныхъ отношеніяхъ. Логическія категоріи субстанціи и ат-

трибута мы привели только какъ примѣръ возможности раздѣлить слова, по роду отношеній, выражаемыхъ ихъ формою, на извѣстные разряды; но не какъ основаніе для такого раздѣленія. Грамматическія формы словъ не зависятъ, какъ мы видѣли (§ 10), отъ логическихъ категорій мышленія. Имена существительныя и прилагательныя еще представляютъ нѣкоторую аналогію съ логическими понятіями субстанціи и атрибута; но глагола—главнѣйшей части рѣчи, уже нельзя безъ натяжки вывести изъ какой бы то ни было логической категоріи. Въ синтезѣ логическомъ, въ сужденіи, заключается только признаніе соединимости двухъ понятій въ мышленіи: *человѣкъ* = *хожденіе*; *душа* = *бессмертіе*. Въ синтезѣ грамматическомъ, въ предложеніяхъ: *человѣкъ ходитъ*, *душа есть бессмертна*, выражается не одна логическая соединимость подлежащаго съ сказуемымъ, но и пребываніе сказуемаго въ подлежащемъ, какъ признака энергическаго, выражается предикативное отношеніе между сказуемымъ и подлежащимъ. Чтобы показать это отношеніе, языкъ связываетъ сказуемое съ подлежащимъ посредствомъ понятія *бытія*, употребляетъ связь (*copula*), членъ неизвѣстный логикѣ, или же выражаетъ эту связь въ формѣ сказуемаго — въ глаголѣ. Такимъ образомъ глаголъ есть категорія чисто грамматическая, вытекающая изъ свойства выраженія мысли въ словѣ и чуждая логикѣ отвлеченнаго мышленія. Въ языкахъ флексивныхъ грамматическое значеніе связи (*copula*), или такъ называемаго глагола вспомогательнаго то же самое, что и значеніе предлоговъ и мѣстоимѣнія относительнаго. Это служебныя части рѣчи, показатели извѣстныхъ отношеній, выражаемыхъ въ другихъ случаяхъ посредствомъ формы словъ. Предлогъ есть показатель отношенія объективнаго, выражаемаго и падежемъ; мѣстоимѣніе относительное — показатель отношенія атрибутивнаго, выражаемаго и окончаніемъ имени прила-

гательнаго; глаголь вспомогательный, связь, показатель отношенія предикативнаго, выражаемаго и окончаніями глагола.

Части рѣчи могли образоваться только въ рѣчи, то есть въ предложеніи. Въ предложенія могутъ быть представленія, мыслимыя въ ихъ отдѣльности, а не въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу. Поэтому, чтобы указать существенныя части рѣчи языковъ флексивныхъ, то есть употребляющихъ форму словъ для выраженія отношеній, обратимъ вниманіе на существенныя роды отношеній, возможныхъ при соединеніи словъ въ предложеніи. Возьмемъ извѣстное представленіе, напримѣръ — бѣгущей лошади. Самосознаніе отдѣляетъ въ созерцаніи бѣгущей лошади предметъ, лошадь, отъ его признака, бѣга, и такимъ образомъ изъ одного нераздѣльнаго созерцанія создаетъ два отдѣльныя представленія. Но самосознаніе разложило данное созерцаніе на два отдѣльныя представленія только для того, чтобы признать ихъ взаимное отношеніе и потомъ вновь соединить ихъ въ одно мысленное цѣлое, соответствующее объективному единству созерцанія. Чтобы выразить этотъ синтезъ двухъ представленій въ предложеніи, языкъ, положимъ, ставитъ другъ подлѣ друга слова, которыми онъ назвалъ эти представленія въ ихъ отдѣльности. Такъ какъ всякая опредѣленная грамматическая форма выражаетъ представленіе не въ его отдѣльности, а уже въ его отношеніи къ другому представленію; то, дабы устранить всякій намекъ на отношеніе, положимъ, что представленія: лошадь и бѣжать въ ихъ отдѣльности, въ предложеніи, въ періодъ безфлексивнаго состоянія языка, назывались звуками: *лошь*, *быю*. Но поставивъ эти два звука рядомъ, мы выразимъ только матерію представленій, а не ихъ взаимное отношеніе. Самосознаніе, вынудившее у органовъ рѣчи названіе представленій, вынуждаетъ и выра-

женіе ихъ взаимнаго отношенія въ предложеніи. Вслѣдствіе этого одно и другое представленіе, подлежащее и сказуемое, отмѣчаются особыми звуками, показывающими ихъ предикативное отношеніе. Какъ два главные члена предикативнаго отношенія, являются двѣ главныя части рѣчи: имя существительное и глаголъ.

Даръ слова, попавши однажды на путь флексіи, пользуется ею для выраженія всѣхъ возможныхъ отношеній словъ въ рѣчи. Судъ разума объ одномъ и томъ же созерцаніи можетъ безпрестанно повторяться, какъ безпрестанно открываются въ созерцаніи и сознаются разумомъ новыя признаки. Въ минуту новаго сужденія прежнее сказуемое вытѣсняется новымъ; но, однажды сознаннымъ въ созерцаніи предмета, оно сливается съ нимъ въ одно представленіе и приписывается ему какъ его атрибутъ. Это новое, атрибутивное отношеніе рождаетъ новыя формы словъ—имя прилагательное, нарѣчіе: *блгуущая лошадь красива*. Здѣсь въ одномъ и томъ же подлежащемъ *лошадь*, сознаются какъ бы два сказуемыхъ: *блгуущая* и *красива*: одно, плодъ прежняго сужденія, сливается съ подлежащимъ въ нераздѣльное представленіе; другое является признакомъ энергическимъ, посредствомъ котораго въ данную минуту самосознаніе вновь судитъ о подлежащемъ.

Съ логической точки зрѣнія, оба слова: и *блгуущая*, и *красива*, равно сказуемыя; потому что оба соединяются въ мышленіи съ представленіемъ *лошадь*. Какъ соединены понятія, предикативно или атрибутивно, для логики все равно; она разсматриваетъ только внутреннюю соединимость или несоединимость двухъ понятій, на основаніи извѣстнаго отношенія ихъ объема и содержанія. Скажу ли я: *зелень была*, или *зелень блллетъ*, или *бллая зелень*, для логики понятія *бллый* и *зеленый* во всякомъ случаѣ несоединимы въ одномъ актѣ мышленія; различіе же между *бллый*,

бѣль, бѣлѣть, различіе между атрибутомъ и предикатомъ, есть различіе грамматическое, не существующее для логики отвлеченнаго мышленія *).

Данное представленіе можетъ точнѣе опредѣляться не только признаками внутренними, составляющими его содержаніе, но и отношеніемъ его къ другимъ представленіямъ. Отсюда происходитъ новое, объективное отношеніе представленій и являются новыя формы словъ, выражающія это отношеніе: косвенный падежъ, предлогъ и проч. *лошадь пьетъ воду, бѣжитъ съ горы*.

Отношеніями предикативнымъ, атрибутивнымъ и объективнымъ изчерпываются всѣ случаи грамматическихъ отношеній и слѣдовательно всѣ случаи грамматической формы.

Грамматическая форма выражаетъ взаимное отношеніе двухъ представленій. Показателемъ этого грамматическаго синтеза, вмѣсто флексіи, можетъ быть и отдѣльное слово, которое, (такъ какъ оно связываетъ между собою два представленія) назовемъ связкой (copula). Изъ этого слѣдуетъ, что, смотря по роду выражаемыхъ отношеній, связка можетъ быть и предикативная: глаголь *быть*, и атрибутивная: мѣстоимѣніе относительное, и объективная: союзъ и предлогъ. Въ грамматикахъ впрочемъ названіе связки (copula) дается только показателю взаимнаго, т. е. предикативнаго отношенія **).

16. Части рѣчи могли возникнуть только въ предложении, потому что только въ предложеніи возникаютъ отношенія, выражаемые формою словъ. Въ языкахъ флексивныхъ каждое слово уже имѣетъ извѣстную форму, по которой относится къ тому или другому разряду словъ, каждое снабжено окончаніемъ, показывающимъ употребленіе

*) Steintal. Gram., Log. und Psych §§ 77, 78.

**) Steintal. Gram., Log. und Psych. § 130.

слова въ предложеніи. Но если отбросимъ окончанія, если освободимъ слово отъ всѣхъ показателей отношеній, то получимъ звукъ, выражающій, такъ сказать, одну матерію представленія, мыслимаго внѣ предложенія. Эти обнаженные звуки называются *корнями*.

Должно ли считать корни понятіемъ искусственнымъ, плодомъ анализа науки, или явленіемъ дѣйствительнымъ, нѣкогда имѣвшимъ въ языкѣ бытіе историческое?

Предполагать въ языкахъ флексивныхъ историческое бытіе корней значитъ предполагать, что языкъ извѣстнаго народа образовался въ нѣсколько приемовъ, что въ умственномъ настроеніи націи происходили перемѣны, увлекавшія ея языкъ на различные пути. Предположеніе это не согласно съ самымъ существомъ языка и способомъ его происхожденія. Если языкъ въ самомъ началѣ своего образованія не пошелъ путемъ флексіи, то уже, вѣроятно, не попадетъ на этотъ путь и потомъ; если самосознаніе, дѣйствуя инстинктивно, не вызвало въ языкѣ флексіи, то, вѣроятно, флексія не явится и въ дальнѣйшемъ, сознательномъ развитіи языка. Разсудочныя соображенія безсильны, чтобы образовать звуковую форму языка. Китайскій языкъ въ теченіи тысячелѣтій служитъ органомъ выраженія мысли народа образованнаго, однако и до сихъ поръ состоитъ изъ односложныхъ корней, чуждыхъ флексіи. Языкъ такъ тѣсно связанъ съ умственной индивидуальностью націи, что такого важнаго измѣненія въ языкѣ, какъ переходъ отъ корней къ флексіи, нельзя предположить, не предположивъ въ то же время измѣненія и въ самомъ складѣ ума націи. И корень, и флексія, происходятъ изъ одного и того же источника — изъ инстинктивнаго дѣйствія самосознанія на органы рѣчи въ минуту образованія представленій, и, по всей вѣроятности, явились въ языкѣ одновременно.

17. Тѣмъ не менѣе нельзя рѣшительно утверждать, что въ языкахъ флексивныхъ всѣ части рѣчи явились вдругъ. Предложеніе есть цѣль языка; къ этой цѣли онъ стремится съ первой минуты своего происхожденія. Человѣкъ съ каждымъ звукомъ, исторгавшимся изъ его груди, соединялъ полный смыслъ, стало быть оконченное предложеніе; но въ самомъ звукѣ не все тотчасъ видно, что есть въ понятіи. Разумъ души первоначально обнаруживается въ образованіи представленія; но представленіе это уже есть сужденіе, потому что, сознавая характеристическій признакъ созерцанія, душа тѣмъ самымъ судить о созерцаніи. Отдѣльное слово, выражающее этотъ первоначальный судъ души, можетъ быть разсматриваемо, какъ полное предложеніе. Такими предложеніями, состоящими изъ одного слова, обыкновенно выражаются дѣти. Жестъ, удареніе, дополняютъ смыслъ предложенія. Мы сами нерѣдко выражаемся такими предложеніями: *пожаръ*, *берегъ*, вмѣсто горить домъ, вижу берегъ. Этотъ моментъ психическаго развитія сужденія могъ выразиться въ исторіи языка употребленіемъ отдѣльныхъ словъ, какъ полныхъ предложеній, словъ, которыя, по отношенію къ позднѣйшему грамматическому составу языка, могутъ разсматриваться какъ корни. Корни эти, если только они дѣйствительно когда нибудь существовали, не могли имѣть вида ни существительныхъ, ни глаголовъ; потому что и существительное, и глаголъ, суть формы, возникающія въ языкѣ только вслѣдствіе взаимнаго отношенія представленій въ предложеніи. Именительный падежъ имени такой же показатель отношенія предикативнаго, какъ падежи косвенные показатели отношеній объективныхъ. Поэтому допустить историческое существованіе корней можно не иначе, какъ предположивъ какую-то древнѣйшую, дограмматическую формацію языка, отличную отъ его вторичной, уже грамматической форма-

ціи. На такое древнѣйшее, дограмматическое состояніе языка дѣйствительно указываютъ всѣ такъ названные В. Гумбольдтомъ субъективные или, какъ ихъ другіе называютъ, мѣстоименные корни, которые и теперь во всѣхъ человѣческихъ языкахъ своею аномальностью рѣзко отличаются отъ другихъ частей рѣчи: (я, меня, насъ). Изъ словъ В. Гумбольдта (см. введ. во всеобщ. яз. Ж. М. Н. П. Августъ 1858 г стр. 128—131), слѣдуетъ заключить, что субъективные, или мѣстоименные корни суть такія же знаменательныя слова (*Stoffwörter*) какъ и слова, произшедшія отъ корней объективныхъ, или глагольныхъ. Съ развитіемъ языка, субъективные корни, по самому свойству своего содержанія, обратились въ показатели отношеній, (*Formwörter*) соотвѣствующихъ, по своему значенію въ рѣчи, окончаніямъ словъ (см. Gram., Log. und Psych. § 128).

18. Корню противопоставляется отдѣльное слово, какъ названіе опредѣленнаго представленія. Пока это слово не вошло въ составъ предложенія и не получило въ немъ особой грамматической отмѣтки, выражающей извѣстное грамматическое отношеніе, до тѣхъ поръ звуковая форма отдѣльнаго слова должна отличаться отъ всякой его звуковой грамматической формы, такъ какъ въ этой послѣдней кромѣ звука слова, долженъ заключаться еще и звукъ наращенія, выражающаго отношеніе, въ какомъ употреблено слово въ предложеніи. Звуковая форма слова въ предложеніи, служащая основаніемъ всѣхъ грамматическихъ его измѣненій, называется *темою* слова.

Темою слова нельзя считать ни именительнаго падежа именъ, ни неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ, потому что и именительный падежъ, и неопредѣленное наклоненіе, суть грамматическія формы, употребляющіяся въ предложеніи на равнѣ со всѣми другими. И корень, и тема слова,

имѣютъ свое бытіе внѣ предложенія, поэтому могутъ быть разсматриваемы скорѣе какъ отвлеченное произведеніе ученаго анализа языка, нежели какъ фактическія явленія самаго языка. Если они и существовали исторически, то существовали въ періодъ дограмматическаго образованія языка. Тѣмъ не менѣе наука разсматриваетъ развитіе звуковой формы словъ на трехъ стадіяхъ: въ корняхъ, темахъ и грамматическихъ формахъ, и Боппъ въ своей сравнительной грамматикѣ, возстановляетъ темы словъ языковъ санскритскаго корня, въ томъ числѣ и славянскаго. Такъ темами грамматическихъ словъ: *рабъ*, *богъ*, *рогъ*, *волосъ*, *юрбъ*, *имя*, онъ считаетъ звуки: *рабо*, *бого*, *рого*, *волосо*, *юрбо*, *именъ*. (См. Vergl. Gram. § § 825, 838 и вообще статью Wortbildung).

19. Не во всѣхъ флексивныхъ языкахъ флексія выражается одинаково. Одни языки, какъ на примѣръ языки санскритскаго корня, для выраженія флексіи, употребляютъ наращенія въ концѣ и въ началѣ словъ (суффиксы и префиксы), другіе, какъ на примѣръ семитическіе, измѣняютъ гласную внутри слова. Отвлекая тѣ основные звуки, которые въ языкахъ семитическихъ остаются неизмѣнными, при всѣхъ грамматическихъ перемѣнахъ слова, и перенося на эти звуки понятіе корня, находимъ, что всѣ семитическіе корни состоятъ изъ трехъ согласныхъ. Разнообразное сочетаніе гласныхъ съ этими коренными согласными служитъ средствомъ флексіи. Такъ въ арабскомъ: *каталя* — онъ убилъ, *кутиля* — онъ былъ убитъ; въ еврейскомъ: *котель* — убивающій, *катуль* — убитый. (Ворр. Verg. Gram. § 107). Во всѣхъ этихъ грамматическихъ перемѣнахъ коренными звуками являются *к т л*. Семитическаго корня нельзя и произнести, потому что *коль* скоро, для произнесенія трехъ согласныхъ, составляющихъ корень, прибавимъ какую нибудь гласную, явится уже не корень, а часть

рѣчи, то есть корень, видоизмѣненный флексією. Одно это можетъ служить доказательствомъ, что въ языкахъ флексивныхъ корни, въ томъ видѣ, какъ ихъ обыкновенно понимаетъ грамматика, едва ли когда либо существовали исторически.

20. Въ языкахъ санскритской отрасли (въ древнеиндійскомъ, зендскомъ, греческомъ, латинскомъ, славянскомъ, литовскомъ и германскомъ) окончанія, посредствомъ которыхъ совершается переносъ корня въ извѣстную часть рѣчи, сами по себѣ заключаютъ извѣстный самостоятельный смыслъ. Точно такой же самостоятельный смыслъ заключаютъ и окончанія, которыми отмѣчается слово по его временному мѣсту въ составѣ предложенія. Оба эти случая: и постоянныя и временныя словоразличительныя перемѣны, однородны, оба выражаютъ флексію языка. Хотя такимъ образомъ въ языкахъ санскритской отрасли въ окончаніяхъ, прибавляемыхъ къ корню, для образованія частей рѣчи (въ суффиксахъ), и въ окончаніяхъ, прибавляемыхъ къ темъ слова, для выраженія временныхъ словоразличительныхъ перемѣнъ (въ склоненіяхъ и спряженіяхъ) и заключается извѣстный самостоятельный смыслъ; однако не слѣдуетъ думать, что въ этихъ языкахъ формы словъ образовались вслѣдствіе вѣншей, механической приставки окончанія къ корню. Напротивъ, и корень, и окончаніе, возникли органически, вслѣдствіе мгновеннаго и одновременнаго сознанія и матеріи представленія, и его отношенія въ предложеніи. Этотъ синтезъ представленія, заключающагося въ корнѣ, съ представленіемъ, заключающемся въ окончаніи, В. Гумбольдтъ называетъ актомъ *самостоятельнаго совокупленія посредствомъ постановки* и полагаетъ, что степень совершенства языковъ зависитъ отъ степени силы и живости именно этого акта. Сущность синтеза посредствомъ постановки В. Гумбольдтъ объясняетъ слѣдующимъ

примѣромъ. „Когда въ какомъ либо языкѣ корень, посредствомъ присоединенія суффикса, получаетъ клеймо имени существительнаго, то суффиксъ этотъ есть вещественный знакъ отношенія понятія къ категоріи субстанции. Но синтетическій актъ, посредствомъ котораго совершается въ умѣ этотъ переносъ понятія, непосредственно при выговорѣ слова, не имѣетъ особеннаго знака въ самомъ словѣ и обнаруживаетъ свое присутствіе только единствомъ и совокупностью въ какую сливаются между собою суффиксъ и корень“ *). Если языки санскритской отрасли и употребляютъ для своихъ суффиксовъ знаменательные звуки, нерѣдко являющіеся въ томъ же видѣ и въ отдѣльности отъ корней; то это доказываетъ не механическую приставку окончанія къ корню, а скорѣе вѣрный тактъ языка въ выборѣ суффиксовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть естественнѣе употребленія въ глаголѣ, для выраженія отношенія къ лицу, тѣхъ же самыхъ звуковъ, которыми выражается понятіе лица и въ отдѣльности. Самый наглядный примѣръ употребленія знаменательныхъ звуковъ, для выраженія отношеній, представляетъ наше прилагательное

*) Введ. во всеоб. ят. Ж. М. Н. Н. Май, 1859 г. стр. 79. Всякая связь двухъ представленій обыкновенно имѣетъ въ языкѣ и звуковаго показателя этой связи: флексію или служебныя слова. Здѣсь же, при соединеніи представленія, выражаемаго корнемъ, съ представленіемъ, выражаемымъ окончаніемъ, нѣтъ особаго показателя этой связи, а одно непосредственное сліяніе. Вотъ почему В. Гумбольдтъ и называетъ это сліяніе актомъ самостоятельнаго синтеза, посредствомъ постановки.

„Если спросимъ“, продолжаетъ В. Гумбольдтъ, почему можно узнать силу этого акта въ строеніи языковъ, то, по изслѣдованіи дѣла, оказываются особенно три пункта, на которыхъ этотъ актъ имѣетъ мѣсто и на которыхъ онъ виднѣе совершается: это *глаголъ, мѣстоименіе относительное и союзъ*“. Три части рѣчи, поименованныя здѣсь В. Гумбольдтомъ суть именно тѣ, отъ которыхъ зависитъ строеніе трехъ главныхъ родовъ предложенія — предикативнаго, атрибутивнаго и объективнаго.

склоняемаго окончанія. Въ образованіи его видимо участвуетъ мѣстоимѣніе *и*, *я*, *е*, тотъ, та, то; и однако такой составъ нашихъ прилагательныхъ можетъ служить только примѣромъ разума языка въ выборѣ звуковъ, для выраженія аналогическихъ понятій, а не примѣромъ механической сложности корня съ окончаніемъ.

21. Ко второму классу языковъ принадлежать, какъ мы сказали, языки чуждые флексіи и употребляющіе, вмѣсто флексіи, для выраженія отношеній, разстановку словъ, удареніе и такія же знаменательныя слова, какъ и для выраженія матеріи предложенія. Представителемъ этого класса языковъ является языкъ китайскій. Онъ весь состоитъ изъ односложныхъ звуковъ, соотвѣтствующихъ по смыслу не частямъ рѣчи, а корнямъ; но въ предложеніи, каждый изъ этихъ корней, вълѣдствіе разстановки и при пособіи другихъ корней, можетъ выражать различныя части рѣчи. Такъ, напримѣръ, одинъ и тотъ же звукъ *ngai* *), соотвѣт-

*) Китайскія письма имѣютъ значеніе не буквъ, выражающихъ элементарные звуки, входящіе въ составъ слова, а героглифическихъ фигуръ, означающихъ полное названіе предмета, то есть Китайцы пишутъ не буквами, какъ писали Индійцы, Греки, Римляне, какъ пишемъ мы, а символическими знаками, какъ писали Египтяне и древніе Мексиканцы. Умѣющій читать по-русски, по-французски, по-нѣмецки, прочтетъ слова: *человѣкъ*, *l'homme*, *Mensch*; но, если онъ не знаетъ этихъ языковъ, то не пойметъ произнесенныхъ имъ звуковъ. Напротивъ, зная условное значеніе китайскихъ письменъ, написанное по-китайски можно понимать и произнести на любомъ извѣстномъ языкѣ; но, не зная китайскаго языка, нельзя произнести по-китайски. Какъ алгебраическіе знаки понятны математикамъ всѣхъ націй, такъ китайская грамота понятна всѣмъ подданнымъ поднебесной имперіи, часто непонимающимъ разговорнаго языка другъ друга. Поэтому, чтобы и понимать разговаривающихъ Китайцевъ, и читать китайскихъ писателей, надо изучить и значеніе китайскихъ словъ, передающихъ уму извѣстное понятіе посредствомъ звука, и значеніе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ китайскихъ письменъ, передающихъ то же понятіе посредствомъ героглифическихъ фигуръ. Приводимые здѣсь примѣры китайской конструкціи заимствованы изъ китайской грамматики Фурмова. *Fourmont, Linguae Sinicae Grammatika. MDCCXLII.*

ствующій по смыслу нашему корню *люб*, въ предложениі имѣть значеніе и *любить*, и *любовь*, и *любезный*, и *любя*, и *любилъ*, словомъ значеніе всѣхъ частей рѣчи и ихъ измѣненій. Все зависитъ отъ мѣста слова въ предложениі и отъ приставки къ слову другихъ знаменательныхъ словъ. Такъ изъ двухъ односложныхъ звуковъ, соединенныхъ въ предложеніе, первый всегда имѣть значеніе падежа родительнаго: *nān-xan*—востока гора или восточная гора, (буквально: *восто-гор*); *ngó-gín*—зла человекъ или злой человекъ. Если переставить эти звуки, если сказать *gín-ngó*, смыслъ фразы будетъ другой.

Множественное число выражается прибавленіемъ къ имени предмета слова *тиеп*, многіе: напр. *gín*, человекъ; *gín-тиеп*, человекъ многіе, то есть люди; *ngó*, я; *ngó-тиеп*, я многіе, то есть мы.

Падежи обозначаются приставкою частицъ, заключающихъ въ себѣ понятіе выражаемыхъ падежами отношеній. Для родительнаго падежа употребляется частица *chi*, для дательнаго — частица *уи*; ради, для: напр. *gín*, человекъ; *уи-gín*, человекъ—для, то есть человеку.

Имена, означающія званіе, состояніе, занятіе, образуются прибавленіемъ къ имени нарицательному словъ: *сіат*, мастеръ, *gín* человекъ, *хеи*, рука: напр. *то-сіат* дерева мастеръ, то есть плотникъ; *хи-хеи*, книгъ—рука, то есть переписчикъ; *ti-іеі—тіе-gín*, бритія—голова—для—человекъ, то есть цирюльникъ.

Для выраженія настоящаго времени глагола, къ глаголу прибавляется слово *кін*, т. е. теперь; для прошедшаго совершеннаго слово *леао*, перестать, свершиться; для будущаго *сіат* или *hoei*, приготовляться къ чему. Такимъ образомъ: *ngo—кін—ngai*, я—теперь—любить, то есть люблю; *ngó—ngai—leao*, я любить перестать, т. е. я полюбилъ; *ngo—сіат ngai*, я приготовляюсь любить, т. е. полюблю.

Для выражения сослагательнаго наклоненія, къ глаголу прибавляются слова, означающія надежду, боязнь, желаніе, возможность: *уиен* желать, *ра* бояться: *ngó—уиен—ngai*, я—желать—любить, т. е. *любилъ бы (amarem)*.

Въ повелительномъ наклоненіи прибавляются къ глаголу слова: *сін*, просить; *сіе*, велѣть: *сін—ngai* просить—любить, т. е. *люби*; *сіе—кі*, велѣть—начинать, т. е. *начинай*.

Для выраженія залога страдательнаго прибавляется къ глаголу частица *рі*, значащая *отъ*: *іа—рі—ні—та*, онъ—отъ—ты—бить, т. е. *онъ тобою бить*; обыкновенно и одно *рі* безъ мѣстоимѣнія служитъ чертою страдательнаго залога: *ngó—кін—рі—ngai* я—теперь—отъ—любить т. е. я любимъ.

Такимъ образомъ, чтобы выразить первое лицо множественнаго числа давнопрошедшаго времени страдательнаго залога, *amati eramus*, китаецъ долженъ употребить десять словъ: *сіе—па—хі—ngó—тиен—у—рі—ngai—киб—леао*. Шесть изъ этихъ словъ употреблены для выраженія категоріи времени (*сіе—па—хі*, въ то время, когда, *у*, уже *киб* пройти, *леао* свершиться), *ngó* (я) выражаетъ отношеніе къ лицу, *тиен* (многіе)—число, *рі* (отъ)—залогъ страдательный, наконецъ *ngai* (любить)—основное понятіе спрягаемаго глагола. Каждое изъ этихъ словъ имѣетъ свой знакъ, очень сложный и затѣливый; поэтому, какъ кажется, Европеецъ успѣетъ написать нѣсколько предложеній прежде, нежели Китаецъ нарисуетъ одно слово *atabatur*.

22. *Флексія*, совершеннѣйшій образецъ которой находимъ въ языкахъ индо-европейскихъ и семитическихъ, и *изолированіе словъ*, доведенное до крайности въ языкѣ китайскомъ, представляютъ два полюса, вокругъ которыхъ вращаются въ строеніи своемъ всѣ человѣческіе языки.

Средину между этими двумя способами образованія предложенія: между полнымъ отсутствіемъ всякаго признака категорій словъ, какъ въ языкѣ китайскомъ, и настоящею

флексією, какъ въ языкахъ индо-европейскихъ, занимаетъ аглютинація, то есть выраженіе отношеній посредствомъ словосложенія, основаннаго не на органическомъ наращеніи корней, какъ въ языкахъ индо-европейскихъ, а на механическомъ прикладываніи. Чтобы выразить извѣстное отношеніе, аглютинирующие, то есть приставочные языки къ главному слову присоединяютъ побочное, выражающее отношеніе, и такимъ образомъ изъ двухъ отдѣльныхъ словъ составляютъ какъ бы одно. Это флексія, если не по исполненію, то по крайней мѣрѣ по намѣренію, и аглютинирующие языки отличаются отъ флексивныхъ, не по роду, какъ языки, недопускающие отбѣтокъ категорій посредствомъ окончаній, а только по степени, въ какой имъ удастся осуществить стремленіе языковъ флексивныхъ. Они не отказываются отъ грамматическихъ отбѣтокъ; напротивъ, могутъ имѣть и дѣйствительно имѣютъ множество грамматическихъ формъ, только образуютъ эти формы посредствомъ внѣшняго присоединенія одного слова къ другому. Время этимъ внѣшнимъ приставкамъ въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ дать значеніе суффиксовъ, можетъ обратить словосложеніе какъ бы въ настоящую флексію, и все таки истинное понятіе грамматической формы остается чуждымъ языкомъ аглютинирующимъ *).

Къ аглютинирующимъ языкамъ принадлежитъ семья языковъ монгольскаго племени, въ томъ числѣ и языкъ калмыцкій. Вотъ нѣкоторые изъ способовъ, посредствомъ которыхъ достигается въ этомъ языкѣ выраженіе грамматической формы.

Имена существительныя производятся отъ существительныхъ черезъ прибавленіе къ окончаніямъ различныхъ приставокъ. Такъ, черезъ прибавленіе къ окончанію имени

*) Введ. во всеоб. язык. Ж. М. Н. П. Декабрь 1858 г.

приставки *бчи*, означающей защиту, влагалище, отъ *ниду*, глазь, производится *нидубчи*, зонтикъ для глазь, отъ *хурунъ*, палець—*хурубчи*, наперстокъ. Черезъ прибавленіе къ окончанію повелительнаго наклоненія приставки *маръ* или *меръ*, означающей способность, искусство дѣйствующаго лица, производится отъ *бичи*, пиши, *бичимеръ*, искусный писецъ, отъ *медѣ*, знай, *медемеръ*, знатокъ. (Грамматика калмыцкаго языка соч. Алекс. Поповымъ).

Въ языкахъ санскритской отрасли отъ многихъ коренныхъ глаголовъ, посредствомъ флексіи, производится особый видъ глаголовъ, извѣстныхъ подъ именемъ винословныхъ (Causale). Такъ въ русскомъ языкѣ отъ многихъ интразитивныхъ глаголовъ, посредствомъ внутренней флексіи, производятся транзитивные каузальнаго значенія: отъ интразитивнаго *умереть* транзитивный винословный *уморить*, отъ *кипѣть*—*кипятить*; *бдѣть*—*будить*, *лежать*—*положить*, *сидѣть*—*сажать*, *рости*—*растить*, *висьть*—*вѣшать*, *пить*—*поить* и т. п. Въ языкѣ французскомъ глаголы получаютъ каузальное значеніе съ помощью глагола *faire*: напр. *mourir* умереть, *faire mourir* уморить, *bouillir* кипѣть, *faire bouillir* кипятить и т. п. Употребленіе словъ: *сдѣлать*, *заставить*, *желать*, *требовать*, для образованія каузальнаго вида глаголовъ, очень естественно, такъ какъ каузальные глаголы выражаютъ дѣйствіе, свершающееся собственно вслѣдствіе воли лица дѣйствующаго *). Въ калмыцкомъ языкѣ каузальный видъ глаголовъ образуется черезъ присоединеніе къ корню глагола слоговъ, которые по-русски переводятся словами: *заставлять*, *вельтъ*, *поручать*. Въ тюркскихъ нарѣчіяхъ эти глаголы образуются черезъ присоединеніе къ корню глагола слога *диръ* или *дюръ*: напр. *ульмекъ* умереть, *ульдюрмекъ*, умертвить; *атмекъ* бросить, *атдюрмекъ*,

*) Bopp. Vergl. Gram. § 740. стр. 1018. Berlin. 1833.

заставить бросить. Здѣсь, какъ и во французскомъ языкѣ, для образованія каузальнаго вида, употреблено слово *faire*, только здѣсь это слово сливается съ корнемъ въ одно выраженіе. Въ этомъ - то внѣшнемъ, механическомъ прикладываніи одного слова къ другому, для выраженія грамматической формы, и заключается сущность аглютинаціи и ея отличие отъ настоящей флексіи. И флексивные языки, для выраженія каузальнаго вида глаголовъ, употребляютъ звуки, по всей вѣроятности, заключавшіе въ себѣ извѣстный самостоятельный смыслъ. Такъ, по мнѣнію Боппа, въ санскритскомъ языкѣ, для образованія каузальныхъ глаголовъ, употреблены корни: *i* *итти* и *i* *желать, требовать, просить*; но въ санскритскомъ языкѣ корни эти органически возникаютъ въ словахъ, какъ ихъ суффиксы; тогда какъ въ языкахъ аглютинирующихъ слова: *вельтъ, заставлятъ, поручать* механически присоединяются къ кореннымъ звукамъ глагола.

23. Синтаксисъ языка китайскаго до крайности изолируетъ всѣ представленія, входящія въ составъ предложенія; но есть другаго рода синтаксисъ, который, напротивъ, всѣ представленія, входящія въ составъ предложенія, старается втиснуть въ одно слово, по которому всѣ части предложенія принимаются какъ бы за одно цѣлое и выражаются однимъ словомъ: это синтаксисъ языковъ мексиканскихъ. Совокупительная метода языковъ мексиканскихъ, доводя до крайности флексивное направленіе языковъ санскритскихъ, является какъ бы третьимъ, самостоятельнымъ способомъ соединенія словъ въ предложеніе; хотя въ сущности основана тоже на флексіи. Характеристику этой совокупительной методы выразимъ подлинными словами В. Гумбольдта.

„Чтобы выразить совокупность понятій простаго предложенія, мексиканскій языкъ принимаетъ *глаголь* за насто-

ящее средоточіе фразы, старается примкнуть къ нему, сколько возможно, управляющія и управляемыя части предложія и умѣетъ сплотить эту группу стихій въ одно звуковое цѣлое, напр. *ní—nasa—qua я мясо ъмъ*. Такое совокупленіе существительнаго съ глаголомъ можно бы принять за сложный глаголѣ въ родѣ греческаго *κρεωφαγεω* но въ мексиканскомъ языкѣ это, очевидно, понимается иначе. Потому что, если самого существительнаго, почему бы то ни было, нельзя совокупить съ глаголомъ, то на мѣсто его ставится при глаголѣ мѣстоимѣніе третьяго лица: ясное доказательство, что съ глаголомъ, и именно въ самомъ глаголѣ, непременно дается схема конструкціи всего предложія: *ní—c—qua—ín—nasaít, я его ъмъ, это мясо*. Предложеніе по формѣ является оконченнымъ уже въ глаголѣ, и потомъ, какъ бы посредствомъ аппозиціи, только положительнѣе опредѣляется его содержаніе. Безъ пополненія такими побочными опредѣленіями, глагола, по мексиканскимъ понятіямъ, нельзя и представить. Въ совокупительной методѣ мексиканскаго языка обнаруживается вѣрное чувство состава предложія въ томъ, что она всѣ отношенія его примыкаетъ къ глаголу, т. е. къ такому пункту, на которомъ дѣйствительно связываются въ единство всѣ части предложія. Этимъ она существенно и съ выгодою отличается отъ китайской безсвязности, при которой глаголѣ не всегда довольно обезпечивается въ своемъ формальномъ значеніи своимъ мѣстомъ и часто узнается только по своему вещественному значенію. . . . Къ санскритской методѣ совокупительная приближается тѣмъ, что дѣйствительно проводить нить, связывающую части предложія; но предоставляя все дѣло обозначенія отношеній одному глаголу, она покидаетъ имена безъ знаковъ ихъ отношеній. . . . Предложеніе, съ точки зрѣнія мексиканской методы, не можетъ допускать въ себѣ построенія, не мо-

жетъ создаваться изъ частей постепенно, но должно быть дано вдругъ, въ видѣ готовой, одинъ разъ на всегда отлитой формы“ *).

24. Тѣла, колеблющіяся правильно и съ достаточною быстротою, издають звукъ, называемый *тономъ*. Такой звукъ издають и напряженные, при посредствѣ извѣстныхъ мускуловъ, стѣнки гортани, когда воздухъ, стремящійся изъ легкихъ, приведетъ ихъ въ движеніе **). Звукъ, издаваемый дрожащими краями гортани, называется голосомъ: это элементъ пѣнія, элементъ гласныхъ; но еще не единственный элементъ человѣческой рѣчи. Согласныя, главная и существенная часть элементарныхъ звуковъ слова, образуются совершенно иначе. Чтобы произнести согласную, мы, прижавъ другъ къ другу извѣстные органы рѣчи, препятствуемъ стремленію воздуха, выдыхаемаго легкими, и такимъ образомъ сгущаемъ воздухъ внутри рта, потомъ, вдругъ раздвинувъ прижатые другъ къ другу органы рѣчи, открываемъ стремленію воздуха свободный путь изъ трубы рта наружу и тѣмъ самымъ разжижаемъ воздухъ. Вслѣдствіе мгновеннаго разжиженія воздуха образуется *шумъ*, который и есть согласная. Въ гласной звучать натянутая, какъ струна, стѣнки гортани; въ согласной звучить, какъ выстрѣлъ, сотрясенная струя воздуха ***). Этимъ двоякимъ въ одно время движеніемъ воздуха образуется слогъ, который должно разсматривать какъ одинъ элементарный звукъ рѣчи. Разложеніе простаго слога на гласную и согласную, принимая и ту и другую, за самостоятельный

*) Введ. во всеоб. яз. Ж. М. Н. П. Декабрь 1858. стр. 321 — 330.

**) Лучше объясненіе образованія звуковъ человѣческаго голоса находится у Милле, а въ его „*Handbuch der Physiologie des Menschen*“. Часть 2; отдѣлъ 1. и „*Ueber die Compensation der physischen Kräfte am menschlichen Stimmorgan*“.

***) (Steinthal. Log. Gram. und Psych § 120).

звукъ, есть искусственное. На дѣлѣ гласная и согласная служатъ другъ другу только опредѣленіемъ, и слухъ принимаетъ ихъ совокупность за недѣлимую единицу *). Различіе согласныхъ, по всей вѣроятности, зависитъ отъ различія въ формѣ волнъ воздуха, а это послѣднее отъ различія въ положеніи органовъ рѣчи, принимающихъ участіе въ образованіи согласныхъ.

Слово, какъ звукъ, существенно отличается отъ всѣхъ другихъ звуковъ въ природѣ и даже отъ человѣческаго крика. Всякой другой звукъ самъ говоритъ слуху о своемъ значеніи; звукъ слова надо понимать. Всякому понятны звуки смѣха или плача; что значать слова: *rire* или *pleurer* знаетъ только тотъ, кто понимаетъ значеніе этихъ словъ. Слово есть звуковой знакъ понятія. Это назначеніе слова звучать понятіемъ тотчасъ обнаруживается въ его особенномъ, исключительномъ фонетическомъ свойствѣ—*членораздѣльности*. Съ внѣшней, чисто фонетической стороны, сущность артикуляціи или членораздѣльности заключается въ томъ, что гласныя и согласныя, возникая въ устахъ говорящаго человѣка мгновенно и слѣдуя одинъ за другими быстро, не сливаются однако, подобно крику, въ одинъ гулъ, не подавляютъ другъ друга, но постоянно слышны во всей опредѣленности и раздѣльности. Единица слова составлена изъ нѣсколькихъ звуковъ, но каждый изъ нихъ явственно слышенъ, какъ отдѣльный членъ цѣлаго. Вотъ почему рѣчь человѣческая и называется членораздѣльною (*vox articulata*). Одна членораздѣльность человѣческаго слова указываетъ на его назначеніе быть орудіемъ мышленія, которое тоже требуетъ совокупленія разнообразія въ единство, тоже состоитъ изъ элементовъ, образующихъ цѣлое, способное въ свою очередь быть частью высшаго цѣлаго.

*) В. Гумбольдтъ, Введ. во всеоб. язык. Ж. М. Н. П. Іюнь 1858. стр. 131.

Связь артикуляціи съ мышленіемъ такъ существенна, такъ глубоко лежитъ въ самой основѣ человѣческой природы, что вещество артикулированного звука, звукъ слышимый, можно и вовсе отдѣлить отъ дѣйствія артикуляціи. Явный примѣръ такой беззвучной артикуляціи представляютъ глухонѣмые. По движеніямъ органовъ рѣчи они угадываютъ смыслъ ея, они воспринимаютъ артикулированные звуки не слухомъ, а зрѣніемъ. Это для нихъ возможно только потому, что у нихъ есть способность артикуляціи, есть природная готовность движеніями органовъ рѣчи соответствовать движеніямъ мысли *).

25. Въ языкѣ и особенно въ фонетикѣ языковъ все такъ индивидуально, что однѣ и тѣ же буквы въ устахъ двухъ даже родственныхъ народовъ звучать различно; тѣмъ болѣе различны между собою элементарные звуки языковъ, чуждыхъ другъ другу. Поэтому выводить а priori элементарные звуки человѣческой рѣчи, говорить о какой-то идеальной азбукѣ, все равно что выводить а priori всѣ возможные измѣненія человѣческой фizioноміи.

Не смотря однако на всю индивидуальность языковъ, въ фонетикѣ ихъ есть свойства и законы, повторяющіеся если не во всѣхъ языкахъ человѣческаго рода, то по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ группахъ языковъ. Разъясненіемъ этихъ общихъ фонетическихъ свойствъ и законовъ облегчается изученіе фонетики отдѣльныхъ языковъ; ничто же такъ не важно въ грамматикѣ всякаго отдѣльнаго языка, какъ вѣрный взглядъ на систему его элементарныхъ звуковъ, то есть на его азбуку. Въ азбукѣ языка уже дана вся совокупность его фонетическихъ средствъ и пріемовъ, вся звуковая его техника, которая, въ соединеніи съ техникою интеллектуальною, составляетъ его грамматику. Такъ

*) Введ. во всеоб. яз. Ж. М. Н. П. Июнь 1858. ст. 129.

напр. смягченіе согласныхъ, или такъ называемое йотированіе гласныхъ, составляющее отличительную черту азбуки языковъ славянскихъ, въ грамматикѣ этихъ языковъ является какъ основаніе флексіи.

Слѣдующіе органы принимаютъ по преимуществу участіе въ образованіи звуковъ рѣчи: губы, зубы, небо, гортань, языкъ.

Губные	б	п	в	ф.
Зубные	д	т	з	с.
Небные	г(g)	к	ж	ш.
Гортанные	г(h)	х.		

Если обратимъ вниманіе на эти звуки, то замѣтимъ, что, во-первыхъ, половина согласныхъ звуковъ каждого органа: *в* и *ф*, *з* и *с*, *ж* и *ш*, *г* (*h*) и *х*, рѣзко отличается отъ звуковъ другой половины тѣмъ, что, подобно гласнымъ, въ произношеніи имѣетъ извѣстную продолжительность. Буквы: *ф*, *в*, *с*, *з*, *ж*, *ш*, *г*, *х*, могутъ быть выдержаны въ произношеніи, на сколько станетъ духу, точно также какъ и буквы, *а*, *э*, *о*, *и*, *у*. На этомъ основаніи всѣ согласныя можно раздѣлить на двѣ половины: на собственно *согласныя*, положимъ, *нѣмыя* (*mutae*) — плодъ мгновеннаго отраженія воздуха отъ извѣстныхъ органовъ рѣчи—и *полугласныя*—плодъ прикосновенія струи воздуха, выдыхаемаго легкими, къ тѣмъ же органамъ.

Во-вторыхъ одна половина полугласныхъ: *ф*, *с*, *ш*, *х*, образуется только движеніемъ выдыхаемаго воздуха, безъ всякаго напряженія голосовыхъ мышцъ; другая: *в*, *з*, *ж*, *г*—не иначе, какъ вслѣдствіе напряженія голосовыхъ мышцъ. Букву, положимъ, *с*, при извѣстномъ положеніи органовъ рѣчи, можно произнести однимъ дыханіемъ, безъ всякаго напряженія голосовыхъ мышцъ. Если при томъ же самомъ положеніи органовъ рѣчи, прибавить къ этой буквѣ голосъ, то она тотчасъ обратится въ *з*; напротивъ буквы *з*, однимъ

дыханіемъ, какъ произносится с, никогда нельзя произнести *). Это различіе въ физическихъ условіяхъ происхожденія буквъ полугласныхъ повторяется и въ бугвахъ чисто согласныхъ. Однѣ согласныя, именно *п, т, к*, образуются безъ всякаго напряженія голосовыхъ мышцъ, однимъ, такъ сказать, дыханіемъ; другія: *б, д, ı (g)*, требуютъ голоса. Обыкновенно полагають, что фізіологическій путь образованія всѣхъ согласныхъ и полугласныхъ одинъ и тотъ же, и что все различіе между ними заключается не въ способѣ образованія, а только въ количествѣ воздуха, употребленнаго для ихъ произнесенія. Такъ для произнесенія звуковъ: *б, д, ı (g)*, будто требуется менѣе воздуха, нежели для произнесенія соотвѣствующихъ имъ звуковъ: *п, т, к*. Согласно съ такимъ взглядомъ на различіе между *б, д, ı (g)* и *п, т, к*, первымъ тремъ дано названіе мягкихъ (*tenuēs*), вторымъ—твердыхъ (*media*). Мы назовемъ первыя *голосовыми*, вторыя—*дыхательными*; такъ какъ названія мягкихъ и твердыхъ необходимы намъ будутъ для обозначенія совершенно другаго свойства согласныхъ, составляющаго отличительную черту азбуки языковъ славянскихъ. Какая бы впрочемъ ни была причина различія между голосовыми (*tenuēs*) и дыхательными (*media*) несомнѣнно то, что причина эта заключается въ фізіологическихъ условіяхъ ихъ образованія. Это видно уже и изъ того, что во всѣхъ человѣческихъ языкахъ *tenuis* никогда не можетъ стать рядомъ съ *media*, но непременно одна изъ нихъ ассимилируетъ себѣ другую, т. е. или *tenuis* переходитъ въ соотвѣствующую ей *media*: *б* переходитъ въ *п*, *д* въ—*т*, *ı (g)* въ *к*,

*) Звуковыя свойства азбуки извѣстнаго языка, должно изучать не на письмѣ, а въ устахъ говорящихъ. Поэтому все, что говорится здѣсь объ элементарныхъ звукахъ рѣчи, должно быть повѣрено собственнымъ опытомъ каждаго: тогда только могутъ быть ясны и свойства звуковъ.

или на оборотъ. Такъ отъ *rego* не *regtus*, а *rectus*; вмѣсто *obропо* — *орропо*. На томъ же основаніи мы произносимъ *претка*, *купка*, хотя и пишемъ *предка*, *кубка*, произносимъ и пишемъ *воспитаніе* вм. *возпитаніе*.

Простота изчисленныхъ здѣсь звуковъ: *б*, *п*; *о*, *т*; *г* (*g*), *к*; *в*, *ф*; *з*, *с*; *и* (*h*), *х*, не подлежитъ сомнѣнію: звуки эти также несложны, какъ и гласныя *а*, *и*, *у*. Но есть звуки, являющіеся въ языкѣ, какъ звуки элементарные, между тѣмъ простоту ихъ состава можно оспаривать. Къ числу такихъ звуковъ принадлежатъ въ русскомъ языкѣ *ц* и *ч*. Въ словѣ, напримѣръ, *Полоцкъ*, *ц* является какъ бы вслѣдствіе мгновеннаго сліянія *т* съ *с* (Полотскъ). Дѣйствительно, двоякое движеніе воздуха, которымъ обусловливается происхожденіе слога, какъ органическаго элемента слова, замѣтно и въ образованіи cadaго отдѣльнаго звука: нельзя произнести согласной безъ элемента гласной, и на оборотъ, въ каждой гласной участвуетъ и элементъ согласныхъ, явственно выступающій въ нѣкоторыхъ языкахъ въ видѣ придыханій. Но какъ водородъ и кислородъ сливаясь образуютъ каплю воды, которая непохожа ни на водородъ, ни на кислородъ, такъ и элементы гласныхъ и согласныхъ сливаясь образуютъ новые самостоятельные звуки. Поэтому звуки *ц*, *ч* и имъ подобные, въ устахъ народа, языку котораго они свойственны, слѣдуетъ принимать за звуки простые. Къ числу такихъ звуковъ у Поляковъ принадлежатъ звуки: *dz*, *dź*, *rz*; у Англичанъ *j*, *g*, у Италіанцевъ *g*, передъ гласными *e*, *i*.

Замѣчательно, что звукъ *ц* и ему подобные являются въ словахъ тамъ, гдѣ, вслѣдствіе требованія флексіи, извѣстныя коренныя буквы должны смягчиться. Такъ въ латинскомъ языкѣ, судя по формамъ: *levis*—*levior*, *liber*—*liberior*, и *altus* должно быть *altiorъ*, *doctus*—*doctiorъ*. Но: вслѣдствіе вліянія тонкой буквы *i* (въ окончаніи сравни-

тѣльной степени *ior*) на предстоящую коренную букву *t*, это *t* должно въ произношеніи смягчиться и обратится въ *ть*: отъ подобнаго смягченія биквы *t* латинскій языкъ отказывается и, вмѣсто смягченнаго *t*, употребляетъ *ц*: *альціоръ*, *докиціоръ*. Такъ точно и польскій языкъ, вмѣсто прямого смягченія буквъ *d*, *r*, употребляетъ звуки *dź*, *rż*. Въ русскомъ языкѣ почти всѣ звуки смягчаются и потому въ словахъ: *судъ*, *трудъ*, *д*, вслѣдствіе требованія флексіи, переходитъ прямо въ *дь*: въ *судь*, *о трудь*; въ словѣ *даръ* звукъ *ръ* прямо переходитъ въ *рь*: *о дарь* *). Смягченіе звуковъ *д*, *р*, требуемое флексіей, обязательно и для польскаго языка; но звуки эти въ польскомъ языкѣ не смягчаются, а переходятъ въ соотвѣтствующіе имъ звуки *dź*, *rż*: *sąd*—*sądzie*; *dar*—*darze*, подобно тому какъ въ латинскомъ языкѣ, *t* перешло въ *ц* въ словѣ *altior*. Вотъ почему польскіе грамматикі звуки *dź*, *dż*, *rż*, относятъ къ звукамъ мягкимъ, наравнѣ съ звуками *m'*, *n'* (*мь*, *нь*) и т. п. Собственно они не мягкіе, а только выражаютъ смягченіе другихъ звуковъ, требуемое флексією.

Губный звукъ *м*, нѣбный *н* и язычные *р*, *л*, отличаются отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что соединяются и съ голосовыми (*tenues*), и съ дыхательными (*media*), вслѣдствіе чего и называются плавными (*liquidæ*). Причина удобосоединяемости этихъ звуковъ и съ голосовыми, и съ дыхательными заключается въ физиологическихъ условіяхъ ихъ образованія. Къ числу полугласныхъ принадлежитъ и звукъ *й* **).

26. Два обстоятельства имѣютъ вліяніе на видоизмѣненія голоса, вслѣдствіе которыхъ образуются гласныя:

*) См. смягченіе звуковъ.

**) См. *Pierwsze zasady grammatyki języka polskiego*. Przez Józefa Mrozińskiego, 1822. стр. 31—32.

положеніе языка, при переходѣ голоса въ трубу рта, и положеніе губъ, при выходѣ голоса изъ трубы рта, или, какъ говоритъ В. Гумбольдтъ, видоизмѣненія гласныхъ зависятъ отъ мѣста, гдѣ проходитъ звучащая струя воздуха и отъ отверстія, черезъ которое выходитъ наружу. Чтобы произнести гласный звукъ *и*, мы приближаетъ языкъ къ нёбу и такимъ образомъ суживаемъ каналъ, которымъ проходитъ звучащая струя воздуха. Не перемѣняя положенія губъ, то есть не увеличивая и не уменьшая отверстія, черезъ которое звучащая струя воздуха выходитъ наружу, и только понизивъ языкъ, то есть разширивъ каналъ, гдѣ она проходитъ, произносимъ гласный звукъ *а*.

Различіе гласныхъ звуковъ *а, о, у*, происходитъ вслѣдствіе различнаго положенія губъ. Для каждаго изъ этихъ звуковъ, мы не измѣняя положенія языка, то есть не измѣняя канала, которымъ звучащая струя воздуха проходитъ, извѣстнымъ движеніемъ губъ, постепенно суживаемъ отверстие, черезъ которое она выходитъ наружу.

Для произнесенія звука *э*, мы измѣняемъ обыкновенное положеніе языка и губъ менѣе, чѣмъ для произнесенія всякаго другаго гласнаго звука. Звукъ *э* есть, такъ сказать, самая легкая и естественная гласная буква: мы произносимъ ее почти безъ всякаго напряженія органовъ рѣчи. Быть можетъ, въ этой удобопроизносимости звука *э* заключается и причина его *былости* въ языкахъ славянскихъ. Онъ тотчасъ является въ словѣ, когда, для произнесенія слова, намъ необходима гласная, и исчезаетъ, когда въ ней не нуждаемся (*деньга, денегъ; пень, пня*).

Звукъ *и*, образующійся въ каналѣ суженномъ, есть звукъ *тонкій*; звуки *а, о, у*, образующіеся въ каналѣ вполне открытомъ, суть звуки *дебелые*; средину между тонкимъ *и* и дебелыми *а, о, у*, занимаетъ звукъ *э*.

Многіе, въ томъ числѣ и Боппъ *), простыми и основными гласными считаютъ только три звука *a, u, y*; звуки же *э* и *о* принимаютъ за составные, образовавшіеся изъ сліянія элементарныхъ *a, u, y*: *э* есть плодъ сліянія *a* съ *и*, *о* есть плодъ сліянія *a* съ *y*. Съ этой точки зрѣнія звуки *э, о*, являются особаго рода двугласными, въ которыхъ изъ двухъ основныхъ соединяемыхъ элементовъ образуется третій, особенный звукъ ($\text{э} = a + и$, напр. *aimer*; $\text{о} = a + y$, напр. *autel*).

Если считать двугласными звуки *э* и *о*, то тѣмъ болѣе должно считать двугласными различныя видоизмѣненія этихъ звуковъ, выражаемыя на письмѣ въ различныхъ языкахъ двойными и тройными гласными (*ae, oe, ö, ä, eu, oeu*). Съ мнѣніемъ о сложности звуковъ *э* и *о* едва ли можно согласиться. Всѣ модификаціи гласныхъ происходятъ вслѣдствіе различнаго положенія языка и губъ, при выговорѣ гласныхъ; ни одного изъ этихъ положеній нельзя считать основнымъ и потому, при какомъ бы положеніи губъ и языка ни выговаривалась извѣстная гласная, коль скоро она явственно не сливается съ другою гласною въ двугласную, ее слѣдуетъ принимать за такой же простой и элементарный звукъ, какъ и звуки *a, u, y*. Если, напримѣръ, во французскомъ словѣ *autel*, для выраженія особеннаго звука *о*, и употреблены двѣ буквы *au*, то это двойное начертаніе можно разсматривать только какъ указаніе того, что въ словѣ *autel* звукъ *о* слѣдуетъ произнести при положеніи языка въ звукъ *a* и при положеніи губъ въ звукъ *и*; но выговоренный, при такомъ положеніи губъ и языка, звукъ *о* будетъ также простъ и несложенъ какъ и звукъ обыкновеннаго *о*.

*) Vergl. Gram. § § 1, 2.

27. Чтобы произнести гласную тонкую или дебелую, мы или, приближая языкъ къ нёбу, суживаемъ каналъ, которымъ стремится звучащая струя воздуха, или, понижая языкъ, расширяемъ этотъ каналъ. Обратимъ теперь вниманіе на вліяніе этого различія въ положеніи языка, при образованіи гласныхъ, на произношеніе согласныхъ.

Согласныя губныя и зубныя легко соединяются со всякою гласною тонкою и дебелою, потому что въ образованіи губныхъ и зубныхъ языкъ не участвуетъ. Но для образованія согласныхъ небныхъ и гортанныхъ, участіе языка необходимо. Поэтому не каждая изъ этихъ согласныхъ можетъ соединиться съ тонкою *и*, которая тоже образуется не иначе, какъ вслѣдствіе особеннаго положенія языка. Желая полугласную нёбную, положимъ, *ж* или *ш*, соединить съ тонкою гласною *и*, мы, для произнесенія тонкаго звука *и*, приближаемъ языкъ къ небу, но приближаемъ только въ такой мѣрѣ, въ какой приближеніе это не мѣшаетъ образованію звуковъ *ж*, *ш*, то есть мы по необходимости расширяемъ каналъ, въ которомъ обыкновенно образуется звукъ *и*. Вслѣдствіе расширенія канала, звукъ *и* получаетъ болѣе дебелое произношеніе и обращается въ *ы*. Въ другихъ языкахъ индо-европейскаго корня одно и то же начертаніе *i* выражаетъ оба эти звука, и тонкое *и*, и дебелое *ы*; да и нѣтъ нужды въ другихъ языкахъ отличать двумя различными начертаніями тонкое и дебелое произношеніе звука *i*, потому что читающій, вслѣдствіе естественнаго требованія выговора, начертаніе *i* съ согласными, которыя, по своей природѣ, соединимы съ тонкимъ *и*, произноситъ, какъ тонкое *и*, напр. въ словахъ: *bille*, *miroir*, *Bitte*; съ согласными же, которыя требуютъ звука *ы*, образованнаго въ болѣе широкомъ каналѣ, произноситъ, какъ наше *ы*, напр. въ словахъ: *gibier*, *chicane*, *Schild*. Напротивъ, для азбуки языковъ славянскихъ, тон-

кое и дебелое произношеніе звука и необходимо отличить двумя различными начертаніями, потому что въ языкахъ славянскихъ одна и та же согласная можетъ соединяться и съ тонкимъ и, и съ дебелымъ ы: напр. *быль* и *билъ*; *мыль* и *пилъ*; *выть* и *вить*; *дымъ* и *дитя*, то есть въ языкахъ славянскихъ почти всѣ согласныя и полугласныя могутъ имѣть и *мягкое*, и *твердое* произношеніе. Это твердое и мягкое произношеніе не есть единственно плодъ вліянія звука и или ы на предстоящія согласныя и полугласныя, а составляетъ природное свойство согласныхъ и полугласныхъ и зависитъ отъ большей или меньшей ширины канала, въ которомъ онѣ образуются; поэтому согласныя, образованныя въ суженномъ каналѣ и, не теряютъ своего мягкаго произношенія и въ соединеніи съ гласными дебелыми, напр. *мятель*, *бѣда*, *тюльпанъ*. Въ словахъ этихъ, какъ увидимъ, мягко произносятся собственно звуки *мь*, *бь*, *ть*, а только на письмѣ смягченіе ихъ выражается не на нихъ, а на слѣдующихъ за ними гласныхъ *а*, *э*, *у*, посредствомъ начертаній *я*, *ь*, *ю*.

Смягченіе согласныхъ, или такъ называемое йотированіе гласныхъ въ славянскихъ языкахъ служить однимъ изъ средствъ флексіи. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, потому что фонетическія явленія, лишенныя внутренняго грамматическаго значенія, вообще въ языкахъ очень рѣдки. Языкъ есть плодъ дѣйствія самосознанія на членораздѣльный звукъ; поэтому всему звуковому въ языкѣ должно соотвѣтствовать интеллектуальное, и коль скоро въ азбукѣ народа находимъ извѣстныя звуковыя особенности, то можемъ быть увѣрены, что съ этими особенностями находится въ связи и все строеніе языка. „Геній языка“, говоритъ В. Гумбольдтъ, долженъ обладать прозорливостью простирающеюся далѣе отдѣльныхъ звуковъ: при образованіи ихъ, онъ долженъ инстинктивно предчувствовать всю си-

стему звуковъ, которая понадобится языку для его индивидуальной формы. Языкъ можно сравнить съ широкою тканью, въ которой каждая нить болѣе или менѣ замѣтно переплетена со всѣми другими. Человѣкъ всегда касается только одной части этой великой ткани, но всегда поступаетъ такъ, какъ будто бы въ ту же минуту онъ имѣлъ передъ глазами все, съ чѣмъ часть эта состоитъ въ неизбежной связи *). Такъ въ славянскихъ языкахъ смягченіе согласныхъ, составляющее отличительную черту отдѣльныхъ звуковъ, проходитъ черезъ все грамматическое строеніе и служитъ однимъ изъ средствъ флексіи. Слова: *бытъ* и *быть*, *цѣль* и *цѣль*, *говоритъ* и *говорить* различаются однимъ мягкимъ или твердымъ произношеніемъ буквъ *л*, *т* **).

Въ устахъ Славянъ смягчаются, какъ мы сказали, согласныя, но на письмѣ у насъ смягченіе это выражается не на самыхъ согласныхъ, а на слѣдующихъ за ними гласныхъ, посредствомъ начертаній *я*, *ь*, *ю*, *ѣ*. Такимъ образомъ буквы *я*, *ь*, *ю*, *ѣ*, выражаютъ или цѣлые слоги *ѣа*, *ѣэ*, *ѣу*, *ѣо*, или гласныя *а*, *э*, *у*, *о*, вмѣстѣ съ чертою смягченія предъидущей согласной. Чтобы убѣдиться въ томъ, то довольно начертаніе *я* произнести протяжно. Въ началѣ услышимъ полугласную *ѣ* и затѣмъ чистый звукъ *а*. Начертанія *я*, *ь*, *ю*, считать элементарными гласными, а не слогами все равно что и слоги *ва*, *вэ*, *ву*, выразивъ особыми начертаніями, считать не слогами, а особыми гласными. Начертанія однако *я*, *ь*, *ю*, введены въ славянскую азбуку не безъ основанія. Въ славянскихъ языкахъ согласныя и полугласныя смягчаются, и смягченіе это служитъ однимъ изъ средствъ флексіи. Отсюда вытекала необходи-

*) Введ. во всеоб. язык. Ж. М. Н. П. Июнь. 1858. стр. 134.

**) *Pierwsze zasady grammatyki języka polskiego*, Mrozńskiego. стр. 33. Это небольшое сочиненіе Мрозинскаго чрезвычайно замѣчательно по оригинальности и мѣткости взгляда на флексію языковъ славянскихъ.

ность для каждого согласного и полугласного звука имѣть по два начертанія: одно для твердаго произношенія звука, другое для мягкаго. Въмѣсто этого, составитель славянской азбуки ввелъ два знака: *ѣ*, *ь*. Знаковъ твердаго и мягкаго нельзя считать особыми буквами, какъ нельзя считать особо буквою черточки (*'*), показывающей въ польскомъ языкѣ смягченіе согласной, въ словахъ напр. *szuń*, *leś*; и однако знаки эти не лишены извѣстнаго фонетическаго содержанія, такъ какъ имѣютъ силу измѣнять произношеніе буквы. Знаки *ѣ* и *ь* показываютъ ширину канала, въ которомъ образовалась извѣстная согласная, показываютъ элементъ гласной, съ которымъ должна слиться согласная для того, чтобы сдѣлаться слышимой. Знакъ *ь* показываетъ элементъ тонкой *и*, знакъ *ѣ* показываетъ элементъ дебелой *и*. Если справедлива мысль В. Гумбольдта, что только слогъ есть дѣйствительный, такъ сказать, фактическій элементъ рѣчи, что одновременное движеніе воздуха, которымъ образуются и гласныя и согласныя, составляетъ необходимое условіе слышимости и тѣхъ и другихъ *); то наши *ѣ* и *ь* скорѣе всего можно сравнить съ придыханіями другихъ языковъ, съ тою разницею, что придыханія представляютъ элементъ согласныхъ, которымъ обусловливается слышимость гласныхъ; знаки же *ѣ* и *ь* представляютъ элементъ гласныхъ, которымъ обусловливается слышимость согласныхъ. Во всякомъ случаѣ и придыханія, и наши *ѣ* и *ь* суть

*) „На дѣлѣ согласныя и гласныя служатъ другъ другу только опредѣленіемъ. Судя строго, гласную нельзя и выговорить одну безъ помощи согласной. Образующее ее стремленіе воздуха должно прирастись гдѣ нибудь, чтобы сдѣлаться слышимымъ, и если предъ гласною нѣтъ настоящей согласной, то должно быть по крайней мѣрѣ легкое придыханіе, которымъ въ нѣкоторыхъ языкахъ начальная гласная всегда сопровождается и на письмѣ“. (Введ. во всеоб. язык. Ж. М. Н. Ц. Іюнь 1858 г. стр. 132).

только элементы звуковъ, понимаемые отвлеченно, а не дѣйствительные, артикулированные звуки.

Такъ какъ случаи смягченія звуковъ въ славянскомъ языкѣ очень часты, то, чтобы избѣгнуть безпрестаннаго употребленія знаковъ твердаго и мягкаго, составитель славянской азбуки ограничился употребленіемъ этихъ знаковъ только на концѣ словъ и внутри, при стеченіи двухъ согласныхъ, чтобы показать твердое или мягкое произношеніе одной изъ нихъ. Такъ въ словахъ *влькъ*, *сльнице*, знаки *ѣ* и *ь* означаютъ не предполагаемые гласныя, а только твердое или мягкое произношеніе буквъ *л*, *н*. Безъ этихъ знаковъ Славянинъ, для языка котораго была изобрѣтена кириловская азбука, не зналъ бы, какъ слѣдуетъ произнести—*влькъ* или *вьлькъ*. Тамъ же, гдѣ послѣ смягчаемой согласной слѣдовала гласная, составитель славянской азбуки смягченіе согласной предпочелъ выразить не на самой согласной, а на слѣдующей за нею гласной. Такъ въ словахъ: *мятель*, *утюѣ*, *рукъ*, мягко произносятся звуки *м*, *т*, *к*, но смягченіе ихъ выражено на слѣдующихъ за ними гласныхъ, посредствомъ начертаній *я*, *ю*, *ь*. Этимъ средствомъ составитель славянской азбуки упростилъ грамоту, но скрылъ настоящее произношеніе буквъ въ ихъ отдѣльности. Грамматика, которая вообще въ своихъ правилахъ часто соображается не съ модификаціями звуковъ въ устахъ говорящихъ, а съ начертаніями звуковъ, и у насъ обратила вниманіе не на смягчаемость согласныхъ, а на начертанія *я*, *ю*, *ь*, назвавъ эти начертанія мягкими гласными, хотя въ дѣйствительности такихъ гласныхъ и нѣтъ.

Въ подтвержденіе того, что въ словахъ: *мятель*, *утюѣ*, *рукъ*, смягчаются согласныя, а не гласныя можно привести слѣдующія доказательства.

Во-первыхъ, гласныхъ мягкихъ *я*, *ю*, *ь*, какъ простыхъ, элементарныхъ звуковъ, нѣтъ въ языкѣ, а есть только

слухи *йа, йэ, йу*. Съ этимъ согласится всякій, кто о звукахъ будетъ судить, справляясь съ слухомъ, а не съ зрѣніемъ *).

Во-вторыхъ, случаи смягченія звуковъ бываютъ и въ другихъ языкахъ, но смягченіе это постоянно выражается на смягчаемой согласной, а не на гласной, то есть выражается тамъ, гдѣ и происходитъ. Французскія слова *gagna, agneau*, португальское *montanha*, испанское *mañana*, по-русски напомнимъ *гания, анё, монтаня, маняна*, то есть смягченіе буквы *н* выразимъ на слѣдующихъ за нею гласныхъ. Но Французъ, Испанецъ и Португалецъ всегда скажутъ, что они смягчаютъ не *а* или *о*, а согласную *н*, что и выражаютъ на письмѣ Французъ и Португалецъ посредствомъ сложныхъ начертаній *gn, nh*, Испанецъ посредствомъ черточки (—) надъ буквою *н*.

Въ-третьихъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ флексія слова выражается начертаніемъ *ь*, хотя въ дѣйствительности происходитъ на предъидущей согласной, тамъ въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ флексія и происходитъ, и выражается на согласной. Такъ въ польскомъ словѣ *reka*, рука, дательный падежъ будетъ *reke*, рукѣ. Въ польскомъ языкѣ дательный падежъ видимо выразился не только переходомъ окончанія *а* въ *э*, но и замѣною буквы *к* буквою *ц*, такъ какъ въ польскомъ языкѣ буква *к* въ прямомъ своемъ видѣ не смягчается, а переходитъ въ *ц*. Въ русскомъ языкѣ, гдѣ почти всѣ звуки смягчаются въ ихъ

*) Къ числу элементарныхъ звуковъ можно отнести французское и голландское *и*, датское и шведское *у*, греческое *υ*; но французское *и*, въ словѣ напр. *reunion*, не есть наше *ю*. Французское *и* есть такая же модификація элементарнаго звука *у*, какъ *ai, é, æ*, суть модификаціи элементарнаго звука *э*. Наше *ю* есть слогъ *йу*. Чтобы убѣдиться въ томъ, довольно произнести *reunion* и то же слово, написанное по-русски: *реюніонъ*.

прямо́мъ видѣ, дательный падежъ выражается окончаніемъ *а* и смягченіемъ предыдущаго *к*: *рукѣа*.

Въ-четвертыхъ, окончанія падежей, какъ показатели отношеній, какъ суффиксы, первоначально заключавшіе въ себѣ извѣстный самостоятельный смыслъ, въ именахъ одного разряда должны быть одни и тѣ же. Если, поѣтому, *столъ* имѣетъ *столъ—а*, *столъ—у*, то и *корабль* долженъ имѣть *корабль—а*, *корабль—у*; *олень*, *олень—а*, *олень—у*. Но мы пишемъ *корабля*, *кораблю*; *оленя*, *оленю*, выражая въ буквахъ *я*, *ю*, и окончанія *а*, *у*, и знакъ смягченія предыдущей согласной.

Правильный взглядъ на начертанія *я*, *ь*, *ю*, важенъ для русской грамматики, потому что отъ него зависитъ и правильный ~~взглядъ~~ на флексію русскаго языка.

28. Кромѣ звуковъ, ясно и опредѣленно произносимыхъ органами рѣчи, бываютъ еще въ языкахъ звуки *побочные*, лишенные самостоятельной артикуляціи и сливающиеся съ звуками главными. Къ числу такихъ побочныхъ звуковъ принадлежатъ *придыханія*, звуки *носовые* и т. п.

Если произнесемъ нѣсколько разъ сряду гласную *а*: *а*, *а*, *а*, то, кромѣ звука голоса, въ началѣ каждаго *а* услышимъ еще будто звукъ удара, происходящій вслѣдствіе прираженія голоса къ гортани. Этотъ звукъ прираженія голоса и есть *придыханіе*. Стремленіе воздуха, составляющее содержаніе гласной, должно гдѣ нибудь приразиться, чтобы сдѣлаться слышимымъ. Одни языки для произнесенія гласныхъ довольствуются слабой опорой *придыханій* и отмѣчаютъ ихъ на письмѣ, другіе—требуютъ въ началѣ гласной настоящей согласной. Хотя такимъ образомъ *придыханія* дѣйствительно могутъ окрѣпнуть до настоящихъ артикулированныхъ звуковъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что полные, артикулированные звуки, встрѣчающіеся въ

однихъ языкахъ тамъ, гдѣ въ другихъ слышны только придыханія, принадлежать тоже къ разряду придыханій. Если греческія слова *ἴς*, *ἔρλο*, *ἔλτα*, въ латинскомъ звучать *vis*, *serpo*, *septem*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что полные артикулированные звуки *v* и *s* принадлежать къ разряду придыханій.

Носовой звукъ есть сліяніе элементовъ *м* и *н* съ предшествующею гласною. Къ числу такихъ звуковъ принадлежатъ санскритскія *анусвара* и *висарга*, славянское *юсъ*, польское *а*, *ѣ*. Что носовой звукъ есть видоизмѣненіе буквъ *м*, *н*, слившихся съ предъидущею гласною, это доказывается тѣмъ, что носовые звуки являются въ словахъ тамъ, гдѣ вслѣдствіе требованія флексіи, должно быть *м* или *н*. Такъ въ польскихъ словахъ *robię*, *leżę*, носовое *ę* замѣняетъ характеристическій звукъ перваго лица, букву *м*, которая въ другихъ аналогическихъ случаяхъ является въ своемъ чистомъ видѣ: *czytam*, *opowiadam*. Въ санскритскомъ коренное *н* переходитъ въ анусвару, когда послѣ буквы *н* слѣдуетъ глагольное окончаніе, начинающееся звукомъ *с*, такъ отъ слова *han* убивать, въ которомъ буква *н* произносится явственно, происходитъ *hañsi* (ты убиваешь) въ которомъ звукъ *ñ* есть анусвара, соотвѣтствующая французскому *en* въ словѣ *vent* *).

Языки африканскіе отличаются особенными побочными звуками, дикими для слуха и крайне трудными для произношенія Европейца. Африканскія прищелкиванія и причмокиванія, встрѣчающіяся, въ видѣ придыханій, передъ гласными и передъ гортанными **), такъ грубы, что европей-

*) Bopp. Vergl. Gram. § 9.

**) Die Formenlehre der Namaquasprache, eine Beitrag zur südafrikanischen Linguistik von J. C. Wallmann. Berlin. 1857 г. § 5.

скому слуху кажутся скорѣе животнымъ крикомъ, нежели артикулированными звуками человѣческой рѣчи. Тѣмъ не менѣе звуки эти имѣютъ извѣстное грамматическое значеніе и поэтому проникнуты разумомъ, составляющимъ отличительную черту человѣческаго слова. Впрочемъ, въ многочисленной семьѣ языковъ африканскихъ есть нарѣчія, отличающіяся особеннымъ благозвучіемъ. Къ числу такихъ принадлежитъ нарѣчіе Гереро, въ восточной Африкѣ *).

29. Отдѣльные звуки составляютъ основаніе фонетической техники языка. Средства этой техники увеличиваются еще преобразованіемъ звуковъ, одного въ другой, на основаніи особенныхъ законовъ и привычекъ.

Преобразованію подвергаются какъ согласныя, такъ и гласныя. На преобразованіе звуковъ, въ какомъ бы видѣ оно ни явилось, имѣютъ вліяніе два закона: эстетическій законъ благозвучія и грамматическій законъ выраженія извѣстныхъ отношеній, посредствомъ извѣстной звуковой формы, т. е. звуки переходятъ одинъ въ другой, сливаются, удваиваются, появляются, исчезаютъ, или по требованію слуха, или по требованію флексіи. Требованія благозвучія распространяются не только на качество звука, но и на его количество, измѣняютъ не только самый звукъ, но и его мѣру. Качественныя измѣненія звуковъ выражаются замѣной однихъ буквъ другими; количественныя — измѣненіемъ ударенія, долготы и краткости звуковъ. Главною, однакожъ, причиною всѣхъ звуковыхъ измѣненій въ языкѣ должно считать не внѣшнія требованія благозвучія, а внутреннія требованія флексіи. Только требованія флексіи вызываютъ и требованія благозвучія. Гдѣ слова неизмѣняются грамматически, гдѣ каждый звукъ держится изолировано и неподвижно, какъ на примѣръ въ языкѣ китайскомъ, тамъ

*) Grundzüge einer Grammatik des Herero von C. Hugo Hann. Berlin. 1857 г.

и законы благозвучія не находятъ случаевъ примѣненія. Если въ русскомъ словѣ *ножка* звукъ *г*, для избѣжанія неприятнаго стеченія двухъ гортанныхъ, переходитъ въ звукъ *ж*, то переходъ этотъ вызванъ внутреннимъ, грамматическимъ свойствомъ языка—образованія уменьшительныхъ черезъ прибавленіе окончанія *ка*. Въ свою очередь законы благозвучія, повторяясь неизмѣнно во всѣхъ аналогическихъ случаяхъ, даютъ возможность узнавать корень слова во всѣхъ его измѣненіяхъ, оберегаютъ внутреннее единство слова. Всякій, кому извѣстна звуковая техника русскаго языка, встрѣтивъ звукъ *ж* въ словѣ *ножка*, чувствуетъ, что звукъ этотъ есть только преобразование звука *г* и что корень слова *ногъ*, а не *ножъ*. Такимъ образомъ и эстетическій законъ благозвучія, и грамматическій законъ флексіи, не смотря на свое различіе, содѣйствуютъ другъ другу въ обработкѣ слова, какъ единицы рѣчи, въ которой мелодія, ритмъ и понятіе сливаются нераздѣльно. Нельзя впрочемъ не замѣчать, что въ отдѣльныхъ языкахъ требованія одного изъ этихъ законовъ предпосчитаются требованіямъ другаго: или требованіямъ благозвучія приносятся въ жертву коренные звуки, какъ напр. въ языкѣ италіанскомъ, или корни словъ тщательно сохраняются на счетъ благозвучія, какъ въ языкѣ нѣмецкомъ.

Каждый языкъ имѣетъ свои особенные фонетическіе законы и привычки; совокупность ихъ составляетъ, по выраженію В. Гумбольдта, ложе, по которому текутъ волны языка во всѣ періоды его развитія. Указать и опредѣлить эти законы и привычки составляетъ первый и важнѣйшій долгъ грамматики отдѣльныхъ языковъ.

Къ числу фонетическихъ законовъ, свойственныхъ языкамъ санскритскаго корня, принадлежитъ переходъ звуковъ, извѣстный подъ именемъ подъема, или усиленія гласныхъ.

Фонетическія преобразованія этого рода особенно свойственны языку санскритскому, гдѣ они извѣстны подѣ именемъ *гуны* и *вридди*, вслѣдствіе чего усиленіе гласныхъ въ лингвистикѣ называется еще *гунированіемъ*.

Сущность санскритской гуны заключается въ вставкѣ краткаго *a* передъ извѣстною гласною, при чемъ коренная гласная, вмѣстѣ съ прибавочною *a*, сливается въ одинъ звукъ, именно прибавленный звукъ *a* и коренной звукъ *i* сливаются въ звукъ *э*; звукъ *a* и коренной звукъ *y* сливаются въ *о*. Такъ отъ корня *i* (итти), черезъ прибавленіе гуны *a*, образуется грамматическая форма *eti*, я иду, въ которой гунированный звукъ *e* произошелъ изъ сліянія *a* съ *i* (*aimi*); отъ *bud*, черезъ прибавленіе гуны *a*, образуется грамматическая форма *bodami*, въ которой гунированный звукъ *o* есть плодъ сліянія *a* съ *u* (*baudami*).

И въ другихъ языкахъ однѣ гласныя переходятъ въ другія, но въ другихъ языкахъ переходъ этотъ представляетъ простую замѣну буквъ; въ санскритскомъ же переходъ гласныхъ, извѣстный подѣ именемъ гуны, представляетъ не замѣну одного звука другимъ, а скорѣе развитіе одного и того же звука. Это чисто-фонетическое явленіе свойственно по преимуществу языку санскритскому, въ которомъ всякій гунированный звукъ даетъ чувствовать привычному слуху присутствіе коренной гласной, усиленной вліяніемъ гуны. Такъ въ словѣ *wedmi* гунированный звукъ *e*, по объясненію Боппа, представляетъ количественное усиленіе кореннаго звука *i*.

Какъ гуна, такъ и вридди усиливаютъ первоначальный звукъ; различіе между ними заключается въ степени усиленія. Въ гунѣ впереди коренной гласной вставляется *a* краткое, въ вридди—*a* долгое, вслѣдствіе чего образовавшіеся

гуированные звуки отличаются различною степенью звучности *).

Къ числу общихъ фонетическихъ приѣмовъ, которыхъ источникъ скрывается въ благозвучіи и вмѣстѣ въ потребности отмѣтить звукомъ извѣстное видоизмѣненіе представленія, принадлежитъ и *редупликація*. Редупликація заключается въ удвоеніи начальныхъ звуковъ слова. Это удвоеніе даетъ ритмическую полноту слову и нерѣдко служитъ признакомъ извѣстной грамматической формы. Такъ въ русскихъ словахъ *дадимъ*, *дадите*, *дадутъ*, редупликація слога *да* даетъ слову полноту звука и вмѣстѣ служитъ чертою будущаго времени. Такое же значеніе редупликаціи въ латинскихъ словахъ *tutudi*, *piripigi*, *cisuri* и въ другихъ.

30. Въ словѣ человѣческомъ, какъ звукъ, можно различать: во-первыхъ самое качество звука, зависящее отъ опредѣленнаго способа артикуляціи, во-вторыхъ количество звука, т. е. его протяженіе во времени, въ-третьихъ силу звука, или удареніе. Двумъ послѣднимъ сторонамъ артикулированнаго слога т. е. количеству и ударенію въ музыкѣ соотвѣтствуютъ протяженіе тона во времени, и пѣяно или форте тона. Одну и ту же ноту можно взять и медленно и быстрѣе, и пѣяно и форте. Поэтому, какъ въ музыкѣ долгота и сила тона не принадлежать къ самому существу его, а зависятъ отъ произвола играющаго, такъ въ слогѣ количество и удареніе не принадлежать къ самому существу слога, но зависятъ отъ свободы говорящаго. Обыкновенно количество слога считаютъ его природнымъ свойствомъ. Такимъ его считаетъ и В. Гумбольдтъ, который говоритъ **): „Особенный звукъ слога и его количе-

*) Введ. во всеоб. яз. Ж. М. Н. П. Декабрь 1858 г. стр. 305—309.

Вопр. Vergl. Gram. § § 26 — 31.

**) Введ. во всеоб. яз. Ж. М. Н. П. Декабрь. 1858 г. стр. 317.

ство опредѣляются самымъ существомъ слога, и только удареніе зависитъ отъ свободы говорящаго“. Но кажется, нѣтъ слоговъ протяжныхъ и краткихъ по природѣ, какъ нѣтъ слоговъ съ природнымъ удареніемъ и безъ ударенія. Протяженіе и удареніе слоги получаютъ только въ словѣ. Въ слова не можетъ быть ни протяженія, ни ударенія, какъ не можетъ быть грамматической формы въ предло-женія. Нельзя удовлетворительно объяснить, почему напр. звукъ *a* должно считать краткимъ, а звукъ *o* долгимъ. Они дѣлаются долгими и краткими т. е. протяжными и быст-рыми въ устахъ говорящаго, и то по свойству выговора, а не по самой природѣ своей. Если бы количество составляло природное фонетическое свойство слога, то сила его об-наруживалась бы одинаково во всѣхъ языкахъ. Но мы ви-димъ, что количество свойственно не многимъ языкамъ, въ которыхъ зависитъ не отъ природы звуковъ, а отъ способа ихъ выговора. Что количество, равно какъ и уда-реніе, подчинены въ отдѣльныхъ языкахъ опредѣленнымъ законамъ, недопускающимъ произвола, это не подлежитъ сомнѣнію; но законы эти вытекаютъ изъ ритмическихъ и грамматическихъ требованій рѣчи, а не изъ природы са-мыхъ слоговъ.

Назначеніе языка быть знаменательнымъ, выражать понятіе. Какъ артикуляціей звуковъ, такъ и двумя другими фонетическими свойствами звука, количествомъ и удареніемъ, языкъ прежде всего пользуется для цѣлей грамматическихъ. Удареніе служитъ средствомъ къ образованію единства слова и нерѣдко замѣняетъ собою флексію. Такъ имени-тельный падежъ множ. чис. *моря'* отличается отъ родитель-наго един. *моря* только удареніемъ. Подобно тому и коли-чество очень часто служитъ пособіемъ къ образованію грамматической формы. Такъ именительный падежъ *mensā* отличается отъ тварительн. *mensā* однимъ количествомъ

звука *a*; второе лицо настоящего времени, изъяв. наклон. страд. залога: *legēris*, отличается отъ втораго лица времени будущаго *legēris* количествомъ звука *e*.

Количество и удареніе, какъ тѣ элементы слова, посредствомъ которыхъ могутъ быть выражены въ словѣ музыкальные требованія такта, служатъ основаніемъ стихотворнаго размѣра. Впечатлѣніе производимое на слухъ размѣромъ стиховъ зависитъ не отъ смысла словъ, а отъ ударенія и количества слоговъ; поэтому удареніе и количество, составляющія основаніе размѣра, должны подробнѣе разсматриваться не въ грамматикѣ, а въ наукѣ о стихосложеніи.

П О П Р А В К И.

Стр.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
9	26	дрргимъ	другимъ
21	23	грамматики	грамматика
37	11	словъ	формъ
43	11	флексивныхъ,	флексивныхъ

О г л а в л е н і е.

§ §	Стр.
1. Понятіе о происхожденіи языка	1.
2. Степени развитія психической дѣятельности: ощущение, чувство, созерцаніе	1.
3. Слово, какъ явленіе фізіологическое: о рефлексивныхъ движеніяхъ вообще.	3.
4. Языкъ, какъ рефлексивное движеніе	5.
5. Внутреннее содержаніе слова	5.
6. Сила, творящая языкъ	8.
7. Выводъ понятія и сужденія	9.
8. Слово, какъ необходимая опора для мышленія.	11.
9. Слово, какъ органъ передачи мысли	13.
10. Соотвѣтствіе между звукомъ и значеніемъ слова	15.
11. Отношеніе языка къ мышленію, грамматики къ логикѣ.	17.
12. Научная важность взгляда на отношеніе языка къ мышленію.	24.
13. Матерія и форма въ языкѣ	28.
14. Языки флексивные и языки липленные лексик.	29.
15. Разряды словъ, или части рѣчи въ языкахъ флексивныхъ	29.
16. Корни словъ.	33.
17. Мѣстоименные и глагольные корни	35.

II

§ §	Стр.
18. Тема слова	36.
19. Способы выражения флексии	37.
20. Значение суффиксовъ	38.
21. Способы образования предложения въ языкахъ ли- шенныхъ флексии	40.
22. Аглютинація	42.
23. Совокупительная метода языковъ мексиканскихъ	45.
24. Артикуляція: слогъ, какъ органическій элементъ рѣчи	47.
25. Раздѣленіе согласныхъ на разряды: согласныя (<i>mutae</i>), полугласныя; голосовыя (<i>tenues</i>), дыхательныя (<i>media</i>); простота шипящихъ; плавныя (<i>liquidae</i>)	49.
26. Гласныя	53.
27. Смягченіе, или йотированіе звуковъ	59.
28. Звуки побочные: придыханія, носовые	62.
29. Преобразование звуковъ: гуна, вридди, редуци- кація	64.
30. Количество звука, удареніе	65.